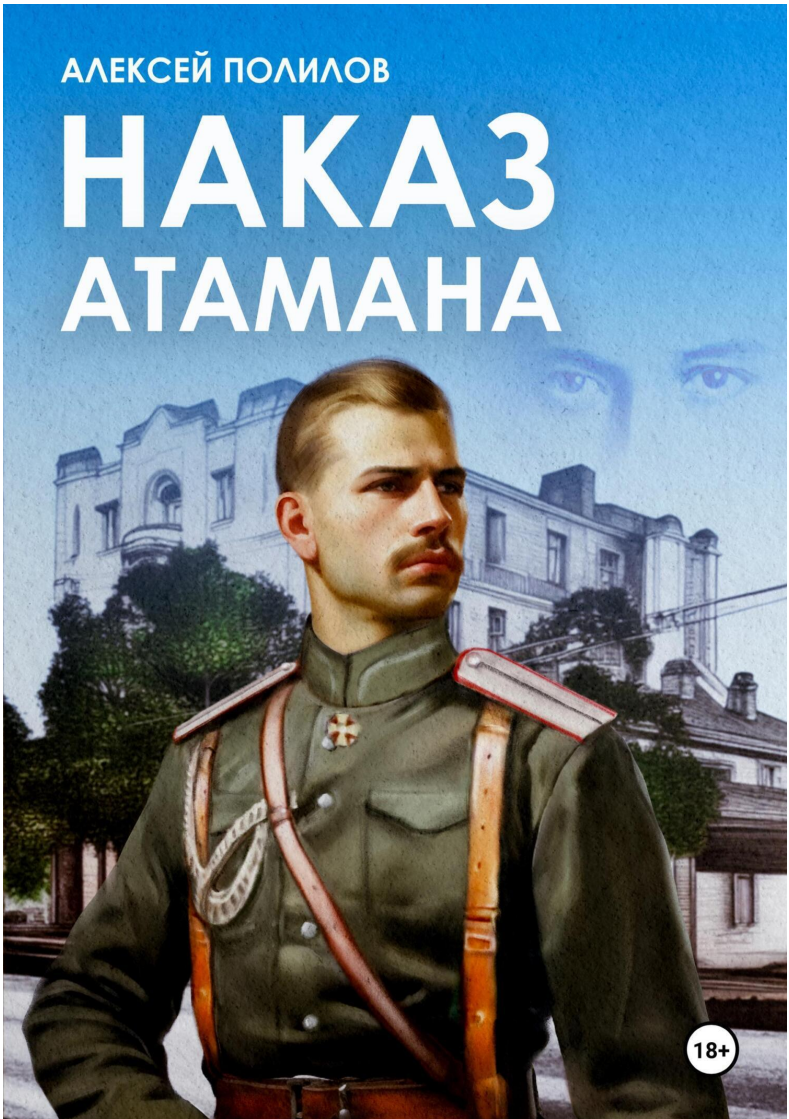
АЛЕКСЕЙ ПОЛИЛОВ

НАКАЗ АТАМАНА



18+

Алексей Полилов

Наказ атамана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70280365
SelfPub; 2024

Аннотация

Роман «Наказ атамана» является продолжением сюжетной линии романа «Атаманова казна». Описываемые события затрагивают период с 1919 по 1952 годы. Окончание гражданской войны в России не привнесло ясности в судьбе утерянного золотого запаса атамана Дутова. Вокруг него и разворачиваются описываемые события, в которые вовлечены казаки, спецслужбы Советского Союза и обычные жители. Действие романа происходит на территории Поволжья, Южного Урала, западной части современной Башкирии, Дальнего Востока, Соединённых Штатов Америки. В романе присутствуют сцены физического противоборства, психологического противостояния, боестолкновений, сверхъестественных и мистических событий, связанных с оккультизмом и деятельностью специального управления ОГПУ. Книга является художественным произведением, любое совпадение имен и фамилий случайно.

Содержание

Другой берег 4
Сбитый лётчик 24
Жокей 30
Белая столица 42
Азиопа 61
Сибирские мотивы 76
Дружественный огонь 91
Старый знакомый 108
Временный союзник 121
Конец ознакомительного фрагмента. 133

Алексей Полилов
Наказ атамана

Другой берег

(Май – июнь 1919)

Сразу выдвинуться в путь не удалось, пришлось потратить почти день на то, чтобы сжечь все подводы и имущество обоза – никаких следов его присутствия в этом месте оставлять было нельзя. Когда справился и с этим, объезжая дальней стороной Андреевку неожиданно наткнулся на такую картину: на большой лесной поляне трое военных гоняли по траве раздетую догола девку, громко смеясь и подстёгивая её прутьями. В стороне, у леса, стояло несколько деревянных строений небольшого хутора, в дверях одного из них, видимо жилой избы, торчала фигура старой бабки, в панике наблюдавшей за происходящим. Туманов спешился в кустах, на выезде к поляне, и скорее всего обошёл бы нехорошее место стороной, но в этот момент девка со всех ног рванулась в его сторону, и совсем скоро влетела под ноги коню, которого он держал под уздцы. От неожиданности взвизгнула, и упав ничком закрыла голову руками. Вздохнув, Туманов стащил

с седла шинель и накинул на неё, вполголоса сказав:

– Не бойся…

На поляну вышел ведя коня в поводу, а к нему уже подбегали, распалённые от возбуждения, трое воинов в краснозвёздных фуражках на головах. Вид неожиданно появившегося из кустов человека их не смутил и не отвлёк от намеченной цели: словно не замечая его они побежали мимо, явно собираясь продолжить увлекательное занятие. Туманов подсёк первого, толкнул второго на другого. Когда все трое повалились на траву, страшно матерясь и хватаясь кто за наган, кто за нож, ждать не стал – выбил оружие, отобрал нож и двумя точными ударами упокоил самых активных. Третий же, резко потеряв целеустремлённость, рванул от него через поляну, втянув голову в плечи и спотыкаясь на кочках. Бежал резво, Туманов догнал его на коне уже у самого края поляны, сбив с ног ударом шашки плашмя. Тут же и допросил, надавив коленом на причинное место. Из похотливого самца удалось выдавить весьма полезную информацию. Все трое оказались из 218-го полка, известной уже ему 25-й стрелковой дивизии. Вместе с 217-м полком их часть заняла деревни Уязытамаково, Заитово, Андреевку и Кажай-Андреевку, где сейчас остались тыловые и санитарные службы, в то время, как полки ушли дальше, отодвигая фронт на северо-восток. Такие же подразделения хозяйничали в соседних деревнях, что узнать тоже было не лишним. Насильник, убедительно принуждаемый к искренности, инициативно выва-

лил всё, что счёл полезным для собеседника: 225-й полк занял Старошахово, 223-й вошёл в Суккулово, а штаб дивизии расположился в Белебее. Другие подробности Туманов посчитал неинтересными, и прекратил его словоохотливость ударом по сонной артерии, отправив вслед за дружками.

Пока возился с этими самцами, девица успокоилась, и через поляну ушла в его шинели к дому, где её поджидала бабка. А ему пришлось потратить время, чтобы прибрать за собой: не оставлять же этих местных наедине с такими соседями. Попросил лопату у старухи, и когда уже притаптывал закиданную землёй яму, рядом оказалась девушка. Она была одета в сарафан и блузу, держа его шинель в руках и протягивая ему.

– Спасибо тебе. Не помог бы – руки на себя наложила бы. Честно. Меня Дарьей зовут.

Смотрела в глаза открыто, с вызовом. *С характером девка*.

– Откуда они появились? – он ткнул лопатой в могилу.

– С Андреевки, откуда-ж ещё. Вон он, Екатериновский тракт-то, – она кивнула головой в другую сторону поляны, – ищут чего покрасть да сразбойничать.

Пока Туманов заканчивал землеройные дела, неторопливо рассказала о себе. Хуторок назывался Мочищем, стоял в лесу, у старого пруда, в котором вымачивали лыко. Жили тут старики и их внучатая племянница, решившая спрятаться от военного лиха подальше. Дед был совсем стар и почти слеп,

копал в другом конце поляны медоносную руду, складывал её в землянке и сдавал на завод. Часто и ночевал там же, где трудился. Бабка возилась с невеликим хозяйством, мочила и сушила лыко, да за дедом смотрела. Коротко говоря, жили тихо-мирно, пока не началось…

– Вы не болтайте о том, что случилось, – задумчиво проговорил Туманов, проверяя коня и готовясь ехать дальше.

Теперь он был свободен от необходимости соблюдать скрытность или конспирацию: был мобилен, двигался быстро, его маршрут был непредсказуем, преследователи его потеряли, словом, угрозы для этих людей от своего присутствия он не видел. Будут молчать и этого должно хватить.

– А кому-ж болтать то? Дед не видит ничего, бабка тоже всё забывает, да и глуха. Я и подавно буду молчать. Только… – она взяла коня за узду, – не уезжай так быстро, а? Послушай, чего скажу…

Туманов смотрел в сторону, интуитивно понимая, о чём сейчас пойдёт разговор. Воин не должен отвлекаться на мирское в ходе войны, так учил его дед. Не красть, не изменять долгу, присяге и жене. Он на войне. Но…

– Думаешь, только красные такие? От белых тоже пряталась, ни капельки они не лучше. А я не хочу рожать от насильников, коли уж всё так… И жениха у меня нет, да и будет ли… Останься на ночь, а? Утром отправлю, дорогу покажу…

Смотрели друг на друга не долго. Потом она молча взяла

коня за повод и повела за собой.

До Белебея добрался к вечеру второго дня – спустился лесным урочищем до Старошахово, а там вдоль речки Стевензи выбрался на Белебеевский тракт (дорогу ему объяснила Дарья). Из документов при себе была книжка красноармейца на имя Доронина Тимофея, бойца отряда ЧОН, добытая ещё в бою под Еланью, а на голову нацепил трофейную-же фуражку, украшенную красной звездой с плугом и молотом, которую забрал с одного из Дарьиных насильников. Когда въезжал в город, ничем не выделялся из общей массы конников – пропыленная и застиранная гимнастерка, карабин, шашка, да шинель за седлом, скаткой. В Белебее он рассчитывал получить всю необходимую информацию о положении на фронте и за ним, а потом уже решать, в каком направлении продолжить движение. По вечернему времени не стал объезжать улицы незнакомого города, направился прямиком в комендатуру, дорогу к которой ему показал первый же красноармеец. Выяснилось, что в здании бывшей Земской управы, оказавшейся по адресу, кроме коменданта располагался уездный революционный комитет, созданный политотделом 5-й армии. Уверенно пройдя мимо караульного, не решившегося спросить у него пропуск, Туманов дёрнул дверь кабинета коменданта, и обнаружив её запертой поднялся на второй этаж. Там вовсю кипела работа местного большевистского актива. Не смотря на позднее время сно-

вали по коридору люди, в военной и полувоенной форме, несколько гражданских собрались вокруг разложенных на большом столе карт, громко обсуждая проблемы продагита и спущенных сверху норм продразверстки. *Быстро же освоились…*

Решительно открыл дверь с табличкой «Предревкома» и приписанной к ней чернилами фамилией: «товъ Маслов». В кабинете, в который он так бесцеремонно вошел, находились трое. Один из них, судя по всему тот самый «товъ Маслов», расположился во главе стоящего буквой «Т» дубового стола, под зелёным сукном. Двое сидели по бокам и смотрели на таблицу, по которой водил карандашом начальствующий.

– Тебе чего, товарищ? – Маслов задержал руку над бумагой и вопросительно взглянул на посетителя.

– Я краском части особого назначения, Доронин. – Туманов с рук показал документы, – где мне найти коменданта или штаб 25-й дивизии?

– Чапаевцев? Опоздал ты, Доронин. Вот только вчера ушла твоя дивизия дальше. Дуй на угол Складской и Большой Луговой, может штаб ещё там. – и потеряв интерес к посетителю, Маслов заново ткнул карандаш в бумагу, – Значит так, товарищ Касымов, это зерно нам нужно собрать до посевной…

Двухэтажный дом был почти пуст, штаб действительно сменил дислокацию, но в окнах второго, деревянного этажа

горел свет: кто-то задержался с отъездом. Туманов привязал коня у входа и поднялся через каменный цоколь на второй этаж. В большой комнате находились двое, упаковывали документы, папки и карты в большие связки. Больше в здании никого не было.

– Тебе кого, братишка? -не отрываясь от дела поинтересовался долговязый кучерявый парень.

– Я сейчас, – Туманов спустился вниз и запер входную дверь на засов. Затем вернулся в комнату, улыбаясь подошёл к смотревшим на него бойцам и молча ткнул долговязого пальцем под кадык, второго коротко рубанул локтём в висок.

Осмотрел карты и папки на столе, подождал пока отдышится и откашляется долговязый, и приступил к беседе.

Зашёл он удачно. Эти двое были приписаны к оперативному управлению политотдела дивизии, и собирались вслед за ней, подбирая штабную документацию для выдвигающегося завтра утром обоза. Внимательно изучил оперативные карты наступления частей красных на Восточном фронте. Удивительно, но были проставлены даже даты планируемых операций, которые он тщательно запомнил. Пропуская через фильтр вопросов многословие кучерявого штабиста, выяснил главное: из допросов пленных белогвардейцев, коих в старом тюремном замке Белебея набралось больше восьми сотен, удалось вызнать не только то, что на данном участке фронта оборонялся корпус Каппеля, но и самое главное – Дутова в Оренбурге не было, ставка атамана находилась в

Троицке. Остальное Туманова интересовало мало, дальнейший маршрут был теперь определён.

Выходя из дома на улицу нос к носу столкнулся с невысоким круглолицым человеком, уже бодро взявшимся за ручку двери. В вечернем сумраке едва охватил взглядом фигуру непрошеного гостя, и сразу узнал – это был тот самый комендант из Бугульмы, которого он угостил кулаком по затылку, уходя из глупого и обидного плена. Память мгновенно выхватила все подробности того общения, отметив безобидное, по-сути, поведение неуклюжего человека. А человек, пропустив Туманова на улицу, остановился в дверях и было ясно по спине – узнаваемо напрягся, начиная доворачивать голову вслед. Туманов не дал ему возможности убедиться в подозрениях, и повторил щадящий удар по аккуратно выбритому затылку: не вспоминай того, чего не было, умник. *Живи уж…*

Из Белебея выехал этой-же ночью, держа на юго-восток, в сторону от основных направлений развивающегося наступления, туда, где линия фронта была более стабильной и ближе всего. По штабным картам успел поднять примерный маршрут до Троицка, отобрав для себя необходимые листы, и заодно, документы долговязого, который теперь медленно остывал со своим товарищем в подвале дома.

После того, как преодолел Белебеевские леса и спустился с возвышенности, местность пошла более равнинная и удобная – поля и перелески. Двигался напрямки, избегая заез-

жать в деревни и сёла. Вешние воды начали спадать, речки и ручьи преодолевал легко, не слезая с седла. Единственную серъёзную реку, Дёму, переплыл вместе с конём в районе Кажай-Семёново, после чего до самой Белой путь был без подобных препятствий. До Белой добрался на третий день, ближе к вечеру, выехав на окраину деревни Ново-Петровка, стоявшей на берегу реки немного южнее Ишимбаево. Остановился у небольшого ручья Кожак, решив изучить обстановку – на той стороне начинались фронтовые позиции. Была и ещё одна причина для остановки: начал хромать конь, растянул связки на скользкой и сырой луговине. Последние двадцать вёрст он резко сбавил в темпе, подволакивая переднюю правую ногу.

Ручей отделял деревню от реки, образовав широкую косу с берёзовой рощей, в которой он и остановился. Деревня была небольшая, дворов на тридцать, притихшая от выпавшей доли находиться в прифронтовой полосе. Война-войной, а весенне-летняя пора бездельничать не позволяла, в это время день год кормит, поэтому в огородах там и сям мелькали фигуры с лопатами и мотыгами. Почти обычный деревенский пейзаж. Почти потому, что из-за реки нет-нет да раздавались одиночные выстрелы или короткие пулемётные очереди. Фронт.

Оба берега были одинаково равнинны. Высот, холмов или взгорков не было, пришлось забраться на старую берёзу, повыше, и в бинокль рассматривать позиции за рекой, выби-

рая удобное место для перехода. За этим занятием не усмотрел, как под деревом оказались трое деревенских пацанов, шикавших друг на друга, с интересом смотревших на коня и вверх, на берёзу. В руках держали самодельные удочки и пару рыбин на прутке. Туманов подмигнул им и аккуратно спустился вниз. Мальчишки оказались разновозрастные, младший не старше семи, и старший около двенадцати годов.

– Здорово мальцы. Что улов такой слабый?

– Здрасте, – дружно выдохнули все трое, затем самый старший доложил: – Ванятка не выудил, упустил своего карася.

– Ага, а сами-то, Санька, леща упустили, с Ефимкой, – дал отлуп малец.

Также дружно засмеялись, и толкая друг друга дунули по траве к околице, затерявшись среди лопухов. Туманов осмотрел ногу у коня. Путовый сустав был опухший, тугой на ощупь и доставлял коню боль, ставшей ещё более чувствительной после небольшой стоянки. «*Плохо дело, обезножил конь,*» – Туманов ободряюще потрепал по гриве, и ловко наложил на сустав тугую повязку из портянок. Переходить фронт с конём нечего было и думать. Оглянулся на звук шагов: от деревни к нему шёл крепкий мужик его лет, с двумя удилищами в руке и подсачком через плечо. Поглядывая по сторонам поравнялся, кивнул:

– Здорово бывал, служивый.

– И тебе не хворать.

– Отстал от своих, никак? – спросил мужик внимательно осматривая коня, – Цела нога-то?

– Цела. Потянул связки вот, теперь отвоевался.

– Это ничего, живее будет. Что думаешь с ним делать?

– Не решил ещё.

Мужик покосился на фуражку со звездой, кивнул в сторону реки:

– Туда путь держишь?

– Примерно так. Переправа далеко?

– Паромная, в той стороне, – качнул удилищами показывая направление.

Туманов уже прокачал вербальные сигналы собеседника, и сразу предложил:

– Тебе конь нужен в хозяйстве?

– Лишним не будет, пригодится, – не раздумывая ответил мужик, погасив искру радости в глазах.

– Переправишь меня на тот берег ночью, и конь твой.

– По рукам.

Сговорчивость мужика объяснилась просто. Он был отцом тех сорванцов, что заметили Туманова на берегу, они же и про хромого коня бате рассказали. Звали его Иваном. Семья была крепкая, сам с женой, трое пацанов да дочь четырёх лет, и ещё родители – отец и мать. Два года назад было у них в хозяйстве три лошади, корова с телёнком и бычком, овец под два десятка и земли три десятины, само собой. Чтоб не жить? А нынче осталась пара овец да тёлка. По воен-

но-конской повинности забрали лошадей, ещё осенью, корову тоже увели красные, а быка белые. Овец – и тех растащили по проходящим частям. А с конём, пусть и хромым, они поднимутся, не пропадут, тем паче, что такого коня уже не отберут. Одним словом, договорились.

На другой берег Иван переправил его сразу, как стемнело. Пока аккуратно и размеренно грёб вёслами, правя наискосок течению, его пацаны увели коня, радуясь кавалерийскому седлу и упряжи.

– Не жалко сбруи? – тихо спросил Иван.

– Нет. Я себе добуду.

– Вот тут высажу, – он пустил лодку по жидким камышам, – держи чуть правее, там небольшая балка…

– Бывай.

– Удачи.

На том и расстались. Так и не спросил Иван, зачем ему на этот берег ночью, а про балку добавил, что-то сам домыслив. Туманов подхватил сидор, винтовку, ловко выпрыгнул с лодки, едва качнув её на воде, и бесшумно растворился в ночи.

Балка, действительно, оказалась чуть правее, и вела в нужном направлении. Её краем добрался до тыловых рубежей красных, мимо которых проскользнул тенью. Затем прокрался меж редких артиллерийских позиций, где рядом с трёхдюймовыми пушками грелись у костра красноармейцы, и в самом конце подобрался к передовым окопам, скользя

змеёй по траве и песку. Выискивать стык обороны соседних подразделений не стал, просто высмотрел одиночную огневую позицию, где томился от безделья стрелок, бесшумно скользнул в окоп, и снял его как в учебнике: сзади левую ладонь на лицо, сжимая губы и нос, правой ножом в почку. Вытер клинок от крови, снял и выкинул в сторону фуражку со звездой, и ввинтившись ужом за бруствер, пошёл пластать по нейтральной полосе. Оказавшись в центре нейтралки потратил немного времени, наблюдая, где и как расположены огневые точки у своих, выбрал направление и медленно, по сантиметру, начал продвигаться между двумя вынесенными вперед позициями. Сплошной линии окопов впереди не оказалось, он незамеченным преодолел передовую линию, также аккуратно обошёл артиллерийские рубежи и задержался уже в тыловой зоне – надо было как-то обзаводиться средством передвижения.

Обращаться за содействием к командованию расположенных тут частей белых он не собирался изначально. Даже не стал разбираться в своих мыслях: почему принял именно такое решение, просто доверился интуиции – нужно добираться самому, и больше не рассуждал об этом. Пока перебирал варианты, где раздобыть строевую лошадь или коня, привёл в порядок форму – достал из сидора погоны, закрепил их на гимнастёрке и надел папаху с кокардой. Закончив с амуницией занялся документами: ставшие ненужными красноармейские книжки закопал под ближайшим кустом, а из го-

ленища сапога аккуратно вынул удостоверение личности на имя Сергеева, подписанное Дутовым. Его он берёг для завершающего этапа своего задания, который, судя по всему, наступил, хотя и не так, как было запланировано. Завершив своё перевоплощение, и так ничего и не придумав, двинулся дальше. Когда небо начало сереть на востоке, вышел к небольшой деревне Баиково. На окраине, рядом с добротной избой заметил коновязь, у которой понуро стояло с пяток оседланных лошадей. Около крыльца торчал часовой – наверняка штаб. *Вот и замечательно.*

Обойдя избу тихо подкрался к часовому, с переменным успехом боровшемуся с сонливостью предрассветного часа, и локтевым захватом аккуратно пережал ему сонную артерию. Поддержал осевшее тело, снял с него шашку, винтовку со штыком прислонил к перилам – полчаса здорового сна ещё никому не навредили, а с начальством пусть потом сам разбирается, бдительнее надо службу нести. Выбрал лошадь покрепче, вскочил в седло и неспешно выехал за деревню, встретив рассвет уже далеко за линией фронта. Дальше держал направление на Петровское, к Авзяно-Петровской дороге, единственному пути на восток, через горные хребты Южного Урала. До неё добрался ближе к концу дня.

До утра остановился на отдых в лесу. В ночь решил дальше не ехать, избегая соваться в горную и лесистую местность в темноте: сбиться с пути было очень просто, выбраться же из незнакомых ущелий и гор наоборот, крайне сложно. А

на пустопорожние экскурсии у него не было времени – до ставки Дутова нужно добраться как можно быстрее, крайний срок до 15 июня, ибо после 20-го числа, если верить штабным картам, начнётся наступление красных на Златоуст. Значит, на без малого пятьсот вёрст пути у него оставалось чуть более десяти дней. По местности со сложным рельефом это не много, а кроме рельефа, наверняка, будут непредвиденные обстоятельства в виде партизан и просто лихого люда. И это без учёта всевозможных «если» – если не подведут лошадь, здоровье, погода, быстро меняющаяся оперативная обстановка. Был ещё один фактор, определяющий маршрут и который ему крайне не нравился – двигаться предстояло исключительно по старому Авзяно-Петровскому тракту, с которого нельзя было ни свернуть, ни срезать путь, ни объехать другой дорогой: кругом крутые горы, скалы и непроходимый, дикий лес. Иначе говоря, изволь топать по дороге, по известному маршруту, на котором легко организовать любую засаду, было бы желание. С такими «приятными» мыслями и уснул.

Утром продолжил путь с заезда в Макарово, где за небольшую сумму обзавёлся съестным припасом для себя, и овсом для лошади: на предстоящем отрезке пути ничего этого могло не оказаться. За себя не переживал, продержаться без пищи мог долго, и воды вокруг хватало, но лошади предстояло выложиться по полной, без фуража долго не вытянет.

Отъехал совсем немного от деревни, как горы и лес уже

приняли его в свои тесные объятия. Вдоль тракта журчала невеликая речушка Сикася, бегущая меж дорогой и крутым хребтом слева, в котором, примерно через пять вёрст, открылась довольно большая пещера, тёмным зевом, словно разбойничьим глазом, провожавшая его в дорогу. *«Ну и места…»* – поёжился Туманов. Тракт не пустовал, с рассветом потянулись подводы, по две-три катящие в обе стороны, всадники и пешие, в основном небольшими группами, некоторые с оружием, но чаще без. На Туманова смотрели косо, а зацепившись взглядом за погоны отворачивались. В первый день добрался до Кулгунино, которое открылось взору после первого перевала. Спускаться в деревню не стал, свернул в лес, где и переночевал, о чём впоследствии пожалел – всю ночь не давал отдохнуть медведь, шатающийся рядом и утробным рычанием пугающий лошадь. Она жалась к костру и седоку, а хозяин леса недвусмысленно выражал недовольство соседством: трещал ветками, скрёб деревья, шумел, как мог. Туманов постукивал время от времени ножом по котелку, отпугивая визитёра, но помогало слабо. В общем – не выспался. Придётся выбирать на следующей стоянке – изба или сеновал в сарае, или мишка в лесу, с непредсказуемой степенью гостеприимства. Рано утром миновал спящую деревню, а к полудню, через три перевала, проехал ещё две, Новосаитово и Бретяк. Останавливаться не стал, но проезжая по трактовым улицам, спиной чувствовал на себе любопытно-оценивающие взгляды. Негостеприимность местных жи-

телей была понятна, за последние месяцы не единожды прокатывался через них вал смены власти, и каждый раз это отражалось на хозяйствах, терявших скотину, живность и самое главное – лошадей. Поэтому, он подозревал, нехорошее внимание вызывала не его персона, а справная кобылка под ним. После следующего перевала отдохнул у ручья, напоил лошадь, пропустил встречную пару подвод и продолжил путь, спускаясь в очередное ущелье. И постепенно замедлил ход, а там и вовсе остановился – ехать дальше активно расхотелось, мало того, «*темное*» чувство недвусмысленно свербило где-то в груди, холодя позвоночник – *опасность*! А голова заработала независимо от тела – «*лошадь не тронут, она приз, а он наоборот, не нужен и вооружен, значит будет выстрел из засады*». Удобнее всего вон там, в конце спуска, где слева отвесная скала, а справа пологий взгорок, заросший молодняком и кустами, оттуда и *шмальнут*. Позиция верная, объехать никак: дорога ныряет в ручей, что бежит справа, и другого места его преодолеть просто нет. Вон и ветка орешника шевельнулась не по ветру. А над скалой, слева, с криком взмыла в синеву сойка. Ещё метров двести, и он окажется словно призовая мишень в тире. И это не всё: он уже в секторах наблюдения, лицо жгло от чужого взгляда через прицел.

Туманов зашатался в седле, приложив руку к сердцу, склонился над лукой и медленно, словно теряя последние силы, сполз на дорогу, правдоподобно запутавшись ногой в

стремени. Зацепил повод сапогом, оперевшись одной рукой сел на землю, растирая грудь. Плохо стало человеку, сразу видно. Потом и вовсе уронил винтовку в сторону и завалился на бок, прикрыв наган, который успел вытащить из кобуры и взвести. «*Ну, почесали в затылках и вперёд, подбирай бесхозное, пока подешевело*» – мысленно поторопил невидимых противников. На дорогу так никто и не вышел, но в кустах за ручьём скоро затрещало, чавкнула земля от тяжёлых прыжков. Прижатое к земле ухо отчётливо уловило приближающиеся сзади шаги. «*Двое, обошли*». Услышав щелчок взводимого бойка ждать не стал, молниеносно развернулся и сделал два выстрела: на звук и на движение чужой фигуры, по ногам. Перекат, контрольный выстрел, и перенос огня по краю скалы слева: мелькнувшая на краю фигура с криком полетела вниз, вместе с выроненной винтовкой. «*Минус три*». Лошадь вздрогнула от выстрелов, но не испугалась, оказалась хорошо подготовленной для строя, стояла на своём месте, опустив голову и раздувая ноздри. Туманов сполз в русло ручья, выходя из-под возможной зоны обстрела и ухватив за ворот бородатого мужика в картузе и поддевке, громко стонавшего над простреленным коленом, сдёрнул его за собой. Второе тело лежало без движения. Сунув воняющий порохом ствол нагана поглубже в глаз бородатого, внятно задал вопросы…

Было их только трое, все с Новосаитово. Увидели проезжающего одинокого путника, прикинули навар и не долго ду-

мая выскочили наперерез, по лесным тропам. И похоже, что не впервой. Ну, да это его уже не волновало, другой опасности на пути не было, пора было наверстывать потерянное время. Возиться с телами не стал – некогда, и не заслужили. Дальше поехал в некоей душевной гармонии, с чувством совершенного доброго дела.

К вечеру, преодолев ещё три перевала, добрался до Авзяна. Переночевал в старой лесопильне, закрыв на засов сарай и хорошо выспавшись на душистых стружках. Следующая ночь застала его в Серменево, а днём уже проезжал через Белорецк, вежливо отвечая на приветствие гарнизонных патрулей. Город показался ему уставшим от вихрей перемен, и настроенным, как минимум, враждебно. Задерживаться там не стал, проехал до Казаккулово, там, у озера, и остановился на отдых. Больше половины пути было преодолено.

Горный край заканчивался. Дорога постепенно и уверенно спускалась всё ниже, горы становились менее крутыми и пологими, и скоро далеко впереди открылась широкая панорама равнинной низменности, на которой можно было рассмотреть хутора, станицы, посёлки и стоящий наособицу, словно страж у горных хребтов, Верхнеуральск. К нему добрался следующим вечером, въехав в город по широкому деревянному мосту через Урал, одномоментно переместившись из Европы в Азию.

Последний дневной переход был длинным, чуть больше пятидесяти вёрст, и Туманов решил остановиться в помеще-

ниях казачьего Арсенала, где казаки, увидев его удостоверение за подписью Дутова, оказали ему самое широкое радушие. Лошадь пристроили в стойло, обслужили, а он тем временем успел отправить с телеграфа, на имя Дутова, короткое сообщение: «*Сергеев тчк Верхнеуральск тире Троицк*». Ответа не предусматривалось, отсутствие «*точки*» в конце сообщения означало штатную ситуацию и следование своим маршрутом. Его и продолжил рано утром, проведя следующую ночь в посёлке Варшавка, а другую под Черноборским, на берегу речки Уй.

Вечером 11 июня он въехал в Троицк. Не мешкая проследовал на улицу Гимназическая, к зданию женской гимназии, в котором продолжал работу Войсковой круг, и где должна была располагаться ставка атамана. Поднялся на второй этаж, зашёл в приёмную директорского кабинета и обратился к дежурному офицеру:

– Ротмистр Сергеев. Прошу доложить Войсковому атаману о моём прибытии.

Подтянутый и аккуратный есаул внимательно посмотрел на предъявленное удостоверение, и чётко произнёс:

– Относительно вас, господин ротмистр, имеется распоряжение: вам надлежит прибыть в Омск, в штаб Походного атамана всех казачьих войск и генерал-инспектора кавалерии Русской армии, генерал-лейтенанта Дутова.

Сбитый лётчик

(май-июнь 1919. Бокий)

Ощущения у него были так себе, словно крылья обрезали или сбили на взлёте. Посудите сами – за неполные десять дней потеряны основные фигуранты архиважной операции, ключевой свидетель и исполнитель, а кроме всего летела в тартарары вся версия вместе с концами. Где уж тут парить в облаках или почивать на лаврах? Катастрофичное низвержение в реальность, вот что это было такое. Но к сути.

Продолжительное отсутствие связи с Макаровым объяснилось просто и трагично – убит. Приданный ему отряд ЧОН ликвидирован, разыскиваемый обоз уничтожен, груз утерян. Эти скорбные вести Бокий получил 20 мая, депешей, от политотдела 5-й армии, уже после того, как наступление на Восточном фронте продвинулось почти до Уфы. Тогда комиссар 218-го полка доложил в политотдел об обнаружении близ деревни Муллино остатков раскуроченного обоза, и тел погибших, среди которых и был опознан Макаров. Собственно, опознаны по документам были все, кроме троих неизвестных, сопровождавших обоз. И это было полбеды.

Экстренно прибывший на место уполномоченный Самар-

ского ГубЧК провёл тщательное расследование, в результате которого выяснилось, что тело одного из убитых, разваленное на две части, принадлежит ни кому иному, как бывшему его подчинённому Марку Добжецкому, «Шляхтичу», а по совместительству агенту царской охранки «*Шаману*», упокой уже Господь его грешную душу. Этот факт (что это Марк, а не агент) был подтверждён медицинской экспертизой, после анатомического вскрытия, и поставил под большой вопрос профессионализм сотрудников подведомственного ему спецотдела, равно как и самого Бокия: как-же так случилось, самоотверженные рыцари Революции, что из-под ваших любопытных носов удалось сбежать особо опасному преступнику и предателю? Мало того: каким-же это образом ваше следствие дало себя обмануть, и позволило оказаться преступнику в центре сверхсекретной операции, по возвращению собственности молодой Советской Республики? Причём, сама операция, вашим попечительством или его стараниями (в чём ещё нужно разобраться), теперь успешно провалена – более тонны золотого запаса утеряно, а все имевшиеся концы и нити обрублены. Не витаете ли вы, пока ещё – товарищи, в беспочвенных ожиданиях? Или паче того – а не осознанно ли своими обнадёживающими заверениями вводите в заблуждение уважаемую Коллегию ВЧК? И ведь это ещё Бокию не вменили в вину утраченную разработку по пещерным порталам, о чём просто никто не знал.

Вот так всё плохо. Мерзкий Туманов походя обескровил

личный спецрезерв Бокия (да мерзкий, мерзкий…), и увильнул из-под колпака, унеся с собой этакую замечательную тайну. Пойди, отыщи его теперь. Да-с, извольте знать: самого Туманова среди погибших обнаружено не было, что подтвердили при опознании лично его видевшие свидетели – врачи, лечившие Туманова в Бугульме, и этот, как его, Чех, вызванный с фронта. Последний оставался один из немногих, кто был хоть как-то посвящен в это проигранное дело.

Что-ж, унывать нечего, нужно было выправлять ситуацию (и не такие удары доводилось держать). Во-первых: Бокий знал кто был конечным получателем ускользнувшего золотого обоза – атаман Дутов. Во-вторых: он был уверен, что Макаров с Марком погибли при атаке на *ложный* обоз, который подставил им Туманов, а значит сам обоз цел и невредим. В-третьих: обоз всё ещё находится на нашей территории, так-как ни малейших подтверждений его перехода через фронт не поступало. Как видите, уже не мало. Теперь по мерам, какие следовало принять: первое – отследить перемещение самого Дутова, ибо сейчас искать Туманова бессмысленно, но рано, или поздно, он объявится рядом с атаманом; второе – поручить это дело Грабычу, он справится; третье – нужно подключать последний резерв, о котором тоже мало кто знает: саамских нойдов. Они смогут наполнить информационный вакуум нужным содержанием. Ну, а про то, что район утери обоза сразу был поставлен под постоянный оперативный контроль и говорить нечего, это истины прописные.

Пока вводил в курс дела Грабыча и работал с Барченко по нойдам, контроль сработал: пришла обнадёживающая весточка с Белебея – 29 мая было совершено нападение на штаб 25-й дивизии, с двумя погибшими. Срочно направил туда Грабыча, и учинённое им следствие дало результат – нападение совершил человек, с документами на имя Доронина, бойца ЧОН, погибшего под Еланью осенью прошлого года. А от чьих рук погибшего? Правильно – Туманова. Вот и сложилась мозаика, в верном направлении двигаемся, товарищ Грабыч: Туманов прорывается к Дутову, и внимание – один!

Стратегия задуманной операции рисовалась такая. Первым этапом предстояло обеспечить оперативное наблюдение за деятельностью и перемещением Дутова. В свете грядущих наступлений РККА его возможные маршруты будут в Сибирь, Монголию или Китай. Не исключен и Дальний Восток. Поэтому уже сейчас необходимо подключать там агентуру. Второй этап подразумевает захват Дутова или Туманова, и эксфильтрация их, как ценных источников информации, в Россию. Третий этап будет запущен в случае неудачи или невозможности осуществить предыдущий, то есть убийство обоих, но с некоторыми вводными: необходимо доставить сюда тела убитых или, как минимум, их головы. Тела или головы, в зависимости от того, что удастся заполучить, будут тем самым источником информации, за которой и разворачивается вся охота. Именно для этого, четвёртого этапа – снятия информации – Барченко сейчас наводит свои

каналы по нойдам. Лопари умеют копаться в мыслях и знаниях живого человека, и даже покойника, для последнего случая нужно всего лишь соблюсти определённые ритуалы. Но это уже детали. В целом решение поставленной задачи будет иметь два результата: политический и практический. Для него, Бокия, важен второй, а первый будет бонусом для Феликса, за допущенные просчёты. Завершением операции можно считать изъятие золота, на основе добытой информации. Операция получит название «*Арго*». По названию корабля, плывшего за Золотым руном. Символично, правда?

Теперь о тактике. Грабычу передаётся вся действующая агентура внешней разведки в Монголии и Китае, и само собой, агентура ВЧК в Сибири и на Дальнем Востоке. Он забирает в подчинение Чеха и этого, как там его, Клепинова: оба знают Туманова в лицо, будет использовать их по своему усмотрению. Основная цель конечно Туманов, но скорее всего, памятуя его возможности и умения, проще всего будет добраться до Дутова, что даже предпочтительнее – атаман наверняка знает больше о всех своих секретах и заначках.

Барченко подключает к операции нойдов, и пытается установить ментальную связь с самим атаманом или Тумановым, а ещё лучше взять обоих под ментальный контроль. В случае доставки их живыми или мёртвыми, шаманы приступят к извлечению информации своим камланием или мерячением, для чего и затевается вся эта суета.

Ну, и последнее: а кто такой Грабыч?

Грабыч это фамилия. Бокий познакомился с ним осенью 1902 года, в Иркутске. Тогда знал о нём не много: из мещан, физически крепок, надёжен и жесток. Два года парень провёл в тайге, промысловиком-охотником, а в городе его, восемнадцатилетнего, неожиданно закружила революционная романтика. Конспирация и эксы – это стало его стихией. Ярче всего раскрыл свои таланты в борьбе со стукачами и информаторами охранки, расправлялся с ними крайне жестоко и изобретательно, из-за чего особым уважением среди соратников по борьбе не пользовался. А Бокий его приблизил. Разницу в возрасте (он был младше Бокия на пять лет) почти не ощущал, вместе и пошли дальше, по тернистой дороге сопротивления. Сам Бокий тоже славился вычислением тайных соглядатаев в революционной среде, а вот расправляться с ними поручалось Грабычу. Роль исполнителя революционных приговоров тому пришлась по душе, подходил к процессу творчески, и очень часто результаты его деятельности попадали в уголовные хроники газет. Поэтому Грабыч секретность и конспирацию возводил в абсолют, предпочитая оставаться в тени и неизвестности. Это Бокия устраивало ещё больше, и он со временем сделал этого человека своим личным *исполнителем*, так сказать. Да: звали его Роланд Апполонариевич. Теперь понимаете, почему – просто Грабыч?

Жокей

(Шляхтич)

Быть привязанным к своему, едва начавшему формироваться, тельцу мне надоело быстро. Это от того, что память и знания оставались при мне, и самое главное – мои умения тоже. Они даже приумножились, я теперь мог видеть сущность человека, иначе говоря – его душу. Душа Ирмы была совсем рядом, только руку протяни, но интуитивно я не беспокоил её, догадываясь, что пользы от этого не будет: зачем нарушать психику матери моего будущего ребёнка? Тем более моей будущей матери? Но терпеть это одиночество… Только вообразите: сидеть восемь месяцев в заключении, когда там, за тонкой перегородкой, происходят такие интереснейшие события?!

Посему, первый пробный выход в астрал я осуществил уже на второй день, едва убедился, что физическому и психическому здоровью Ирмы ничего не угрожает. В тот день Ирма благоразумно и вовремя унесла ноги с места побоища, и вернулась в Муллино, откуда смогла добраться до станции Туймаза, к железной дороге. Там, на вторые сутки обретения мной новой плоти, я и попробовал выскользнуть в окружаю-

щий мир. И получилось! Это было здорово, значит полного заключения не предвидится, и я тут-же попытался отыскать Дондум-оола, поделиться радостью. Но вредный старик не желал общаться, видимо был чем-то занят. Мне удалось вызвать его только через семь дней, где он и огорошил меня новостью о гибели отряда Туманова. Между прочим, это произошло не без моего косвенного участия. Кто намешал отраву в бутыли с водкой? Ваш покорный слуга. Самое смешное, что Туманов тоже к этому причастен, даже больше, чем я – яд был из его медальона, и он своими руками отравил верных ему казаков. Ну разве не смешно? Само собой, Туманов опять остался цел и невредим, спрятав золото и похоронив своих бойцов. Тут-то и произошло самое интересное: бойцы были живы, всего лишь впали в анабиоз (сам проходил через это, знаю о чём говорю), и пришли в себя уже в могиле, из которой выбраться, сами понимаете, не смогли. И умерли уже по настоящему. Вот только рядом оказался Дондум-оол, который воспользовался ситуацией по своему – старикашка сотворил из этих казаков *стражей* золотого клада. Зачем? Я так и не понял. Хуже всего, что я, в своём нынешнем состоянии, не смог отыскать это место, а старик говорить об этом не желал. Вредина. Теперь, если всё так, как он говорит, клад будет под охраной сто лет. По крайней мере, время у меня пока ещё есть, а что там дальше – увидим.

– Эй, красуля, куды спешишь? – голос доносился словно через вату, грубый и хриплый, – а ну, постой. Стой говорю,

зараза.

Вот ещё, новости. Почувствовал волнение Ирмы, услышал пустившийся вскачь ритм её сердца. Ну, что там такое? Выпорхнул из своего внутриутробного, микроскопического «*я*» и оценил обстановку, в которую занесло мою непоседливую будущую родительницу.

Вечер, почти стемнело, Ирма стоит в стороне от здания железнодорожной станции, недалеко от дощатого сортира, видимо приспичило по нужде. А тут – вот они, любители дармовщинки. Два мужика в кустах, с почти утраченным человеческим обликом: небритые, в мятой одежде, наверняка разит от них перегаром и прочей дрянью – могу только догадываться. Щерятся в глумливой ухмылке и тянут к ней свои лапы, попутно расстёгивая ремни со штанов. Ирма застыла, впала в ступор прижав кулачки к подбородку.

Уф, покоя от вас нет… Скользнул к этим харям, одному сильно сжал серый, скользкий мозжечок, а другому горячее, трепыхавшееся от похоти сердце, в жёлтой сальной плёнке. Ирма так и не поняла, отчего мужланы повалились в кусты, конвульсивно выплясывая ногами. Я провёл рукой (или что там теперь у меня вместо?) над её затылком, увенчанным бубликом косы, вкладывая успокаивающую мыслеформу – «*Всё хорошо, они устали, иди по своим делам*», – и почему-то подумал: а где сейчас Глеб?

И увидел его сразу, словно кто-то сдёрнул покрывало с выставленной передо мной картиной. Ну как – увидел…

Скрытничал Глебушка, не расставался теперь со своим *амулетом*, которым раньше почти не пользовался, поэтому я видел лишь золотистый туман в кабинете, вещавший его баритоном. А за столом, о бок от облачка, сидел незнакомый мне человек, в сером костюмчике, неприметный с виду, но с немалым «*личным кладбищем*» за плечами, это сразу видно. И вели речь… о Туманове. Вот и не верь интуиции после этого! Я скромно притулился у вешалки, в углу кабинета, и внимательно слушал увлекательную беседу.

– …тебе предстоит добыть Туманова, как на охоте: загонным методом, ожидая зверя в месте вероятного появления. Ну, тут я учить тебя не буду, Роланд, ты в охоте лучше меня разбираешься. Зверь тебе достался опытный, сторожкий и сильный, врасплох его не застать, но учти, он сейчас пробирается к Дутову. Это и есть главный ориентир – следи за атаманом, рано или поздно увидишь и Туманова.

– Это я понял, Глеб. Описание и особые приметы у меня есть, информаторов и агентуру подниму, мимо не проскочит. Тебе его сюда в каком виде доставить? – человек говорил спокойно и уверенно, словно речь шла о прогулке в бакалейную лавку. (Ух ты какой… я вот не смог его переиграть, а этот, смотрите-ка, доставить собрался!)

– Вот, – облачко шевельнулось, словно акцентировало внимание собеседника на этом моменте, – Теперь о главном. Не мешало бы взять живым. Но. Есть большая вероятность, что живым тебе взять его не удастся… Не усмехайся, просто

слушай. Если увидишь, что взять живым Туманова невозможно, то ты должен привезти мне его тело. Или, как минимум, голову. Второе, конечно, проще, однако есть нюанс: перед тем, как лишить его жизни, ты прочитаешь эту *мантру*, – облачко шевельнулось, и толкнуло по столу к человеку лист бумаги, – и не позднее двух суток после этого, тело должно быть помещено в раствор, состав которого тоже тут.

– Или голова.

– Или голова. Двое суток форы сильно облегчают задачу, не правда ли?

– Облегчают. Скажи, Глеб, а зачем тебе нужен этот гнилой товар? Ты представляешь, что будет с трупом через неделю-другую на жаре?

– Да, представляю… С трупом, согласен, будут хлопоты, не всегда есть возможность правильно обработать его раствором. Поэтому я и сказал про голову. Хорошо, давай сделаем этот вариант основным – привези голову.

– Это намного упрощает дело. Что там за раствор?

– Состав тебе подберут в лаборатории, просто разбавишь его спиртом. И ещё одно уточнение. Важное. – неизвестный Роланд изобразил «*я весь внимание*», – Вместе с Тумановым постарайся привези Дутова. Он цель номер два, однако по своей значимости превосходит первую. Наверное, эта мишень будет даже проще: она крупнее, малоподвижнее и не так опасна. Коротко говоря: вези обоих. Увидишь, что не получается с Тумановым, значит вези Дутова.

– Или голову, я понял.

– Да. В финансах получи чековую книжку, в расходах будешь не ограничен… в разумных пределах. Что ещё… Привлеки к работе Чеха и Клепинова, они раньше были на связи у… нас. Оба знают Туманова в лицо. Все данные по ним в особом отделе.

– Сроки?

– Будут зависеть от обстоятельств. Целесообразность проведения финального этапа акции просчитаешь сам: ты должен быть уверен, что Дутов и Туманов встретились и общались, что доставить их по назначению ты сможешь беспрепятственно и быстро. Я не могу сказать, сколько времени у тебя на это уйдёт. Месяц, может год. Но без результата не возвращайся

.

Ух, как меня заинтересовал этот разговор! Получается, что охота за моим визави не прекращается, более того – выходит на качественно иной уровень. Ну как я мог оставаться в стороне от таких интереснейших событий? Не ровен час, отыщут без меня и заберут мой законный приз. Я проследил за серым человеком до самого дома, куда он попал не скоро: шлялся по кабинетам здания ВЧК на Гороховой, чего-то там уточнял и выписывал. Я не вникал в подробности, мне довольно было знать, где его логово. Оно оказалось расположенным в Выборгском районе, в скромной квартирке на Железнодорожной улице. Мне ещё повезло вот в чём: у этого

Роланда не оказалось защитного амулета. Не знаю, почему. Наверное он не состоял в штате специального отдела Глеба. Этим следовало воспользоваться. Я не знал ещё – как. Пока просто взял квартиру на заметку.

Глеба я скоро вспомнил ещё раз, когда задумался – а действительно, за каким лысым лешим ему понадобилась голова Туманова? Если с головой атамана было более-менее ясно, её можно предъявить в качестве доказательства исполненного приговора, то башка Туманова ему зачем? В этот раз я обнаружил Глеба далеко от Питера, у стен незнакомой обители. Он прогуливался бок о бок с полноватым невысоким человеком, в старомодном котелке и пенсне. Он – это опять туманное облачко. Их разговор, судя по всему, был важным и конфиденциальным, раз Глеб притащился к черту на кулички (ничего, что этак-вот о монастыре?). Опасливо покосившись на звонницу монастырского храма, я аккуратно проследовал за парочкой.

– …Конечно, дело новое, но чрезвычайно перспективное, Александр Васильевич, вы и сами должны это понимать. Я, собственно, почему вас сюда пригласил: далеко от родных стоянок этих саамских дервишей не увезти, враз откажутся помогать, а более подходящего места, чем этот монастырь, поблизости не отыскать. Вы осмотритесь, поговорите с отцом Вениамином, заведите речь об изучении шаманизма и его искоренении на Беловодье, он будет рад этакому миссионерству.

– Понимаю и соглашаюсь, Глеб Иванович. – человек уважительно склонил голову, – С его Высокопреподобием беседу уже имел. Сложно он воспринял наше присутствие, как-бы через это не возникли дополнительные трудности в общении с нойдами.

– Нам ли страшиться трудностей, товарищ Барченко? – облачко качнулось к собеседнику, – Если будет нужно, выселим отсюда всех, кто будет нам мешать. Решено, оставляем это место за нашим проектом.

Собеседник изобразил мимикой: «как будет угодно», мол, за вами последнее слово.

– Вернёмся к нашим э… нойдам. Сколько их всего? И в каком количестве они нам будут нужны для успеха дела?

– Хм, вообще это штучный товар, Глеб Иванович. Я достоверно информирован о существовании только двух подходящих нам нойдов. Потомственные, с подтверждённой эффективностью своих возможностей. А сколько их нужно… не готов ответить. Вполне возможно, что будет довольно и одного.

– Каши маслом не испортишь. Везите сюда обоих, и начинайте работать. В кратчайшее время нам предстоит убедиться в их возможности решить поставленные задачи, провести испытательные тесты, и быть готовыми применить их по назначению к указанному строку. Эмм… скажем месяца через два. Справитесь?

– Я постараюсь.

– Постарайтесь. Верю в ваш талант и усердие. Что-ж, пройдём к архимандриту, нужно обговорить условия вашего присутствия в обители.

Следовать за ними в помещения монастыря я, разумеется, не решился. Ну их – в моём нынешнем качестве это может быть вовсе не безопасно. Итак, значит, Барченко. И лапландские шаманы. Не для них ли заказаны головы Туманова и этого, Дутова? Надо расспросить Дондум-оола, что это за страсти такие.

Свою «*лампу Алладина*», как мысленно иной раз я называл Ирму, мне пришлось на время покинуть (пока побудет без моего присмотра), и сейчас я рассматривал логово «таинственного рыцаря» Роланда, поджидая его возвращения.

Аскетическое жилище. В шкафу ещё один цивильный костюм, несколько пар белья, сапоги. На кухне разнобойный набор посуды для одного человека, ручная кофемолка и никаких книг или журналов, только набор для чистки оружия на комоде. Цельная личность, из таких формируются фанаты или маньяки. Именно такой мне и был сейчас нужен. Решение познакомиться с этой *заготовкой* поближе я принял после общения со старым шаманом.

Дондум-оол, как всегда, ругался больше, чем вещал по делу. Но какую-никакую информацию из него вытащить удалось: я понемногу пришёл к выводу, что старик поддаётся простенькому манипулированию – довольно было аккуратно усомниться в его возможностях или знаниях, как он начи-

нал фонтанировать разными ругательствами и оскорблениями, после которых выдавал на гора всё, что могло, по его мнению, укрепить затрещавший авторитет. Так получилось и в этот раз.

– Скажи, Дондум-оол, разве могут быть нойды сильнее и умнее тебя?

– Почему задаёшь такие глупые вопросы? Ты вообще думаешь, когда называешь этих никчёмных вслух?

– Извини. Всего лишь хотел убедиться, что мой великий наставник действительно силён и могуч.

– Убедиться он хотел, цхэ… Тебе мало того, что ты теперь умеешь, да? Думаешь, кто-то может знать больше меня, да?

– Что ты, такого не может быть. Просто… я не нашёл ответа на один вопрос. Наверно он глупый, но без твоей помощи никак.

– У тебя вопросы всегда дурацкие! Любой новорожденный марал знает больше тебя. Давай, скажи, чему я тебя ещё на научил?

– Разве можно из мёртвой головы сделать живую? Чтобы она вспомнила всё, что знала?

– Запросто можно, глупец! Разве тебе сказки в детстве не читали?

– Так то: сказки, Дондум-оол. А вот у меня получится сделать такую голову из мёртвой? Я слышал, только Сайва-Гуэлле такое по силам. Не могу в это поверить.

– *Замолчи свой язык, дурак! Другой раз не меня дозовёшься, а беду на свою глупую башку! Рано тебе ещё такие вещи знать.*

Вот так славно поговорили. Но вывод очевиден, правда? Нойды на такое способны, и это мне сильно не понравилось. Точнее, не сама способность этих саамских коллег, а то, что этим умением собирается воспользоваться Глеб. Поэтому я сейчас здесь. Если честно, я не был уверен в том, что смогу воздействовать на объект с такой дистанции – почти две тысячи вёрст от моего физического воплощения. Но попытка не пытка. А вот и хозяин вернулся: дверь без скрипа и шума отворилась, и в квартиру вошёл серокостюмный Роланд. Ну-с, попробуем познакомиться.

Я *надавил* на серого, внушая потребность прилечь на кровать (не хочу ходить после с разбитым лицом). Он замер в центре комнаты, затем заторможенно опустился на край панцирной койки. Вот и чудно. Я мягко остановил ему сердце, и когда он хрипя завалился на спину, поймал его отлетающую душу за золотистый хвостик – не спеши, уважаемая, нам ещё вместе рулить этим телом. Сам-же, не мешкая, внятно прочитал соответствующую мантру и нырнул в тёплый кадавр, где уютно устроился в опустевшем организме и втянул за собой его трепещущую душонку. Ну, запускай мотор! Тудух…

Получилось замечательно, словно только этим и занимал-

ся: у меня появилась новая плоть, подчинявшаяся мне не хуже прежней. Одно меня насторожило – связь с Ирмой в тот же миг я потерял, было ощущение, будто из *«лампы Аллади-на»* меня просто вышвырнули. Ну да ладно, у меня есть новое. Помимо нового тела я стал обладателем всей его памяти, навыков и умственного багажа, что, согласитесь, было весьма кстати – нет нужды изучать чужие привычки, модели поведения и моторику, мне оставалось только принимать решения и отдавать команды. Бывшая хозяйка этого мясо-костного набора тихонько торчала рядом, млела от тесного соседства и не смела пикнуть. Правильно. Настанет час, когда я передам бразды правления, а пока не мешай. Итак, позвольте представиться заново: теперь я местами Роланд Аппо-лонариевич Грабыч (ну и фамилия досталась…). С чего же мы начнём? А, вот – давно не пил кофе!

Белая столица

(Туманов. 15-17 июня 1919г.)

Дорога в Омск не показалась ему долгой. Полученное отношение, и бумаги на имя Сергеева, позволили избежать продолжительных стоянок и ожиданий на станциях, хотя даже с учётом этого его путешествие продлилось полных четверо суток. Челябинск, Курган и Петропавловск мелькнули за окнами вагона ровно так же, как и безызвестные деревни и сёла, не заинтересовав его ни на миг. Потому, что мысли были уже целиком и полностью в Омске, городе его детства, там, где когда-то был отчий дом и живы родители.

В Омск он прибыл во второй половине дня. Нынешний город был разительно не похож на прежний, каким он его помнил. Можно было сказать, что нынешний был перенасыщен мундирами, лоском, экипажами, одетыми в соответствии с последней модой дамами и сопровождающими их кавалерами – сопутствующим антуражем любой столицы европейского государства, каким по факту сейчас и являлся Омск, не смотря на своё сугубо азиатское расположение. От былой его провинциальности не осталось и следа.

Туманов добрался до Шпрингеровской, где расположился

Главный штаб Военного министерства Российского правительства и Штаб верховного главнокомандующего. Там же, временно, разместился и штаб Походного атамана всех казачьих войск и генерал-инспектора кавалерии Русской армии, генерал-лейтенанта Дутова. Но самого атамана не застал, тот осуществлял инспекторскую поездку по казачьим частям Дальнего Востока, и в данный момент находился в Чите.

Генерального штаба генерал-майор Одноглазков внимательно просмотрел предъявленные документы на имя Сергеева, и отложил их в сторону.

– С прибытием, господин капитан. – теперь он смотрел на Туманова в упор, словно рассматривал любопытную вещь, о которой был много наслышан.

– Благодарю, господин генерал-майор, – Туманов пропустил мимо ушей несоответствие в чине.

– Относительно вас имею недвусмысленные распоряжения, о коих информирую. Первое: ваше инкогнито отныне в прошлом, можете представляться своим собственным именем. Второе: все мм… недоразумения, имевшие место по линии контрразведки улажены, и если впредь у данного ведомства появятся к вам вопросы – отсылайте их ко мне. Третье: о всех событиях, происшедших с вами с июня прошлого года говорить, с кем бы то ни было, до прибытия Походного атамана запрещено. Четвёртое: вы зачислены, в качестве офицера для особых поручений, в штат штаба Походного атама-

на всех казачьих войск и генерал-инспектора кавалерии Русской армии.

Начальник штаба достал из выдвижного ящика секретера папку, аккуратно раскрыл её, взяв в руки новенькие, серебристые однопросветные погоны, удостоверение и бланк приказа. Затем торжественно поднялся и пожимая Туманову руку продолжил:

– Наконец, пятое: поздравляю вас с производством в очередной чин. И одномоментно с переходом в «высокоблагородия», – он слегка улыбнулся.

– Служу Отечеству!

– У казначея получите причитающееся вам жалованье за весь период. И – отдыхайте пока, господин капитан генерального штаба. На службу явитесь через неделю. М-да. Упрежу ваше предложение, Сергей Аркадьевич – производство в чин отметим по возвращении атамана, так будет правильнее. Не возражаете?

Туманов не возражал. Но единственное неотложное дело всё же исполнил: доложил Одноглазкову о дате планируемого наступления красных, про которую узнал посетив штаб 25-й дивизии в Белебее.

– Что-ж, это важная информация. Прошу изложить рапортом.

На этом и расстались. Когда Туманов покинул помещение штаба был уже вечер. Встречу с родным домом, вернее тем, что от него осталось, решил отложить на завтра. Взял извоз-

чика и отправился на Дворцовую, где ему был забронирован номер в гостинице «Европа». Отсюда до дома было рукой подать.

Безрадостная встреча состоялась утром следующего дня. Он прошёл пешком на угол Атамановской и Плотниковской, и сразу увидел пепелище. От дома остался первый каменный этаж, заваленный горелыми балками, брёвнами. Всё, что могло ещё пригодиться, и послужить в качестве дров или строительных материалов, было растащено. Ни дверей, ни окон. Осторожно протиснулся в дверной проём, стараясь не задеть угольно-чёрных обрушенных балок. Изнутри каркас оставшегося этажа напоминал воронку от взрыва, заваленный разным горелым хламом. Обугленные обломки мебели, битый кирпич, отвалившаяся штукатурка – унылая картина полуторагодовалого разорения. Выбрался во внутренний двор, который был общим с соседними домами, и в этот момент распахнулась дверь соседского крыльца, на котором появилась фигура пожилой женщины. Соседка, Людмила Прокофьевна.

– Серёжа! – узнала его сразу, – Боже мой, живой… Арсений!

Крикнув мужу она споро спустилась с крыльца, и подсеменила к Туманову, тронув его за руку.

– А мы уже и не чаяли увидеть тебя. Идём, идём в дом…

Рассказ получился долгим. Старики соседствовали давно, около тридцати лет, и сейчас, вспоминая тот день, хозяйка

плакала больше, чем рассказывала. В основном говорил сосед, Арсений Капитонович, бывший коллежский асессор.

– Ты, Серёжа, представить себе не можешь, что такое безвластие в нашей глуши. Считай, с марта семнадцатого всё мерились, у кого сил больше: у временных или советов. Первые ещё пытались городом управлять, а вторые уже предприятия национализировали – за порядком смотреть было некому.

Лето кое-как прожили, ну, а зимой, когда дорог не стало, весь город накрыли грабежи. Промышленников к этому времени уже ободрали, принялись за население. Днём ходили по улицам, высматривали дома побогаче, а ночами делали своё дело. Выносили всё, до исподнего. А представь, каково было зимой остаться без средств, еды, тепла и жилья? А сколько насильничали? Большевики до прошлого лета жить не давали, а потом партизанить принялись. Вот… В тот день около наших домов начали кругами ходить. Мы с Людмилой носа на улицу не казали. И отец твой, Аркадий Васильевич лежал с ангиной, холодный январь выдался, многие болели. Полина Фёдоровна за ним ухаживала, часто на рынок бегала, вещи продавала. Той ночью, помню, Людмила слышала, как вроде дверью хлопали в вашем доме, но ничего не было видно – улицы тёмные, фонари не горят, окна тоже все без света, боимся лишний раз свечу зажечь. А ближе к утру зарево и треск… Пока выбежали, пока топоры да лопаты достали – куда там… Пожарных, считай, уже всех разогнали

к тому времени, так мы свои дома стали спасать, чтобы не занялись. Когда огонь спал, закидали что смогли снегом, да только поздно, сам понимаешь.

Старик тяжело поднялся, прошёл к дубовому шкапу, и покопавшись в нём вернулся к столу, положив меж чайных чашек небольшой узелок из носового платочка.

– Вот, нашли. В руке Полины осталось. Они с Аркадием вместе так и лежали, обгорели очень сильно. У обоих головы были разбиты чем-то острым, только следствия никакого не было – походил тут какой-то жук с папочкой, да убыл восвояси, даже не расспрашивал никого.

Туманов осторожно развернул платок, в котором оказался кусочек оборванной золотой цепочки, на которой мама носила любимый золотой кулон с жёлтым алмазом, подарок отца в день рождения его, Сержа. Два конца были оплавлены, и в копоти. Стиснув зубы завернул цепочку обратно и положил в карман.

– Похоронили обоих на казачьем кладбище, соседи помогли. Я покажу могилку, – утирая глаза проговорила Людмила Прокофьевна.

– Дом сам видишь, сгорел весь. Понемногу растаскивали всё, не уследишь. Да там ничего ценного и не оставалось, подчистую, похоже, выгребли. Не так давно с управы приходил чин, интерес у него был на счёт наследников и хозяев. Сказали, что ты есть, вроде отстал. Такие вот дела, Серёжа. Ты-то как всё это время? – старик участливо посмотрел не

него.

– Всякое бывало, Арсений Капитонович. Потом как-нибудь расскажу.

Кладбище посетил в тот же день, один, расспросив у стариков, где и как искать родителей. Долго стоял у деревянного креста, под которым покоились отец с матерью, в одной могиле. Там же дал себе клятву найти убийц. С кладбища возвращался пешком, от ходьбы постепенно отпускало сковавшее его напряжение. Дальнейший план действий сложился сам собой.

Следующий день начал с покупки цивильного костюма, так как армейская форма была изношена почти окончательно, и надлежало пошить себе новую, прежде чем являться на службу (а это займёт как раз неделю, по утверждению вежливого портного, снявшего с него мерки в офицерском ателье). Экипировавшись должным образом, Туманов наведался в справочную службу, где уточнил адрес городского ломбарда. Туда и направился.

Ломбард разместился на первом этаже здания городской библиотеки, но впечатление складывалось иное – скорее, библиотека ютилась в помещениях ломбарда. Осмотревшись, Туманов получил талончик и направился к совершенно седому, с клиновидной бородкой, тщедушного вида приёмщику, в отгороженном бюро.

– Моё почтение, сударь. Чем могу служить?

Туманов достал из кармана заранее приготовленный ме-

дальон Георга фон Веттина и положил его на зелёное сукно стола.

– Окажите любезность, скажите: какую сумму я могу получить за эту безделицу?

Приёмщик вооружился увеличительным стеклом в бронзовой оправе и внимательно осмотрел медальон под светом настольной лампы, поворачивая его в разные стороны. Несколько раз подносил к самому лицу, открывая узорчатую крышку, и наконец отложил медальон в центр стола.

– Что-ж, ваша безделица, несомненно, имеет цену. Работа европейская, старых мастеров. Думаю, именно за работу двести рублей вы сможете выручить. Больше не дадут: серебро-с.

Оценщик переключил свой интерес на Туманова и чуть понизив голос спросил:

– Не уполномочен интересоваться, и разумеется, вы в праве не отвечать, но позвольте полюбопытствовать: откуда у вас такой медальон?

Туманов благожелательно склонил голову на вопрос, доверительная беседа как раз входила в его планы.

– С удовольствием удовлетворю ваше любопытство, в обмен на встречную любезность. – он приязненно улыбнулся оценщику, – Этот медальон из Германии, военный трофей. Но почему вам это интересно?

– Видите ли, сударь, по своему ремеслу близко знаком с разными изделиями и… механизмами. Так вот, ваша безде-

лица, как вы изволите её называть, несомненно имеет за собой *историю*. Вам известна некая особенность этого медальона?

– Что же в нём особенного? – Туманов недоуменно осмотрел лежавшее на сукне украшение, – Откровенно говоря, не замечал за ним ничего этакого. А это может повлиять на его цену?

– Позвольте проверить? Я аккуратно…

Оценщик ловко выудил из ящика стола тонкий пинцет и, повертев в руках медальон, пару раз нажал на некоторые завитушки его орнамента. Не поднимая головы глянул на Туманова.

– Видите ли, такие медальоны ведут свою историю со времен Медичи, и кроме украшения имеют чисто практическое назначение. Вот, извольте посмотреть… – он ещё раз аккуратно нажал пинцетом на серебряный завиток, утапливая его в корпус, – При исправном состоянии тут должна появляться капля жидкости. А вот какой именно – зависело от владельца. Чаще всего применялась кантарелла, фирменный яд семейства Борджиа, или акватофана, при Людовике Четырнадцатом. Но есть такая версия, что в конце прошлого века, среди определённых кругов европейского военного сословия, набрал популярность обычай заправлять подобные украшения так называемыми псевдоядами.

Седовласый знаток ювелирного искусства осторожно вернул медальон на место, в центр стола, словно любуясь. Ту-

манову же от последних слов стало нехорошо. Он двумя руками опёрся на стоящий перед столом стул и тихо спросил:

– В каком это смысле: псевдоядами? Не настоящими?

– Да-с, не настоящими в том смысле, что летальный конец при их употреблении не наступал. А вот всё остальное: судороги, окоченение, остановка дыхания и сердцебиения были вполне натуральными. Это позволяло владельцам таких капельниц выходить из весьма щекотливых ситуаций. Но это, как я говорил, всего лишь версия. Согласитесь, интригует?

– Более чем…

– Да что с вами? Вы присядьте, на вас лица нет. Воды?

– П-пожалуй…

Старик быстро наполнил хрустальный фужер из графина и протянул Туманову. Тот уже взял себя в руки, поблагодарил кивком и сделал небольшой глоток. Оценщик о чём-то говорил ещё, но его слова совершенно не воспринимались. Звон в ушах и ощущение катастрофичной непоправимости возможно совершенной ошибки – вот всё, что он мог сейчас чувствовать.

– Сударь, так что вы решили? – наконец сознание восприняло озадаченный голос.

– Да, извините, нервы… – надо было доводить до конца то, за чем он сюда пришёл, и Туманов остановил взгляд на оценщике, отчего тот поёжился, – И какая окончательная цена?

– Двести пятьдесят, сударь. С учётом инфляции весьма

хорошая сумма. Вы какими желаете получить?

– Я оставлю этот медальон вам лично, как презент, если вы окажете мне небольшую любезность.

– Неожиданно, право… – оценщик действительно был слегка озадачен, но глаз с медальона уже не спускал. – Чем я могу быть полезен?

Туманов аккуратно вынул из кармана глянцевую карточку, на которой ещё с вечера сделал рисунок кулона, бывшего на матери в момент гибели. Рисовал он его долго и тщательно, несколько раз переделывая и добавляя подробности, которые прекрасно знал с детства, и вчера вспоминал, придавая рисунку максимальное сходство с утраченным оригиналом. Особенной деталью был вензель «ПТ», который гармонично вплетался в золотой узор оправы.

– Прошу вас, взгляните, – он положил рисунок рядом с медальоном, – это алмазный кулон супруги, утерянный ею прошлой осенью. Алмаз необычной, жёлтой расцветки. Может быть вам доводилось его видеть, среди сданного в ломбард?

Оценщик взглянул на рисунок всего лишь раз, и не раздумывая потряс бородкой:

– Да, приметная вещица, в нашем ломбарде закладывалась не единожды. И выкупалась всегда досрочно.

– Кем выкупалась? Как давно?

Тут оценщик несколько замешкался, словно размышляя, а не наговорил ли он лишнего? Наконец собрался с мыслями

и решительно заявил:

– Покорнейше прошу меня извинить, милостивый государь, но наше заведение не даёт информацию о своих клиентах третьим лицам. Запрещено-с. Всё, что могу вам сообщить – последний раз была в закладе месяц назад.

– Что ж, понимаю. Медальон ваш, как и договаривались. Не откажите ещё в одной любезности: сообщите мне, когда её принесут в очередной раз. Буду весьма признателен вам лично.

С этими словами он протянул оценщику визитную карточку гостиницы, с номером в котором остановился, и попрощавшись вышел.

Далеко уходить не стал, а занял неприметную наблюдательную позицию, несколько в стороне от входа, анализируя свой визит в ломбард, который оказался чрезвычайно информативным.

Во-первых: появилось логичное объяснение тем странностям, которые сопутствовали обозу в финальной стадии его продвижения, хуже того – могло оказаться так, что он сам погубил своих бойцов, похоронив их заживо (эта мысль сбивала с настроя на розыск убийц родителей, поэтому решил обдумать всё позже). Во-вторых: появился след, который однозначно указывал на то, что убийца его родителей в городе. Это следовало из многократного закладывания кулона. Это же говорило и о том, что клиент личность хорошо известная в ломбарде, ибо постоянный и платежеспособный.

В-третьих: искать его долго не придётся, потому что оценщик вряд ли станет дожидаться, когда кулон принесут в очередной раз, а с большой долей вероятности, безотлагательно оповестит этого клиента о визите человека, разыскивающего кулон и его нынешнего хозяина. Из этого можно было предположить, что убийца сам найдёт Туманова, для помощи ему в этом оценщику и оставлена визитная карточка номера гостиницы.

Наблюдать за входом долго не пришлось – буквально через несколько минут из дверей ломбарда выскочил посыльный мальчишка, и дунул вдоль по улице, придерживая рукой кепку. Версия начинала подтверждаться, оставалось запастись терпением и ждать. Решил всё же перепроверить, и вернувшись в ломбард сразу направился к оценщику, отметив, как забегали у последнего глаза и засуетились руки.

– Прошу прощения, поменял свои планы относительно проживания. – Туманов извиняюще улыбнулся, – Пробуду в гостинице не долго, верните мне карточку, я напишу вам новый адрес.

Как он предполагал, эта просьба поставит оценщика в тупиковую ситуацию, если он успел отправить визитку с посыльным. Так и оказалось.

– Извините, сударь… Я уже передал вашу карточку директору, а он вот только что отъехал, по делу-с.

«*Да, через чердак или чёрный ход…*» – мысленно усмехнулся Туманов, и слегка взвинтил ситуацию:

– Хорошо, я пробуду в гостинице всего пару дней, затем вынужден съехать: только-что получил новую информацию о предмете своего розыска. – он подмигнул оценщику и показал из кармана край рисунка на картоне, – Зайду позже, и сообщу о новом адресе, если в этом ещё *будет* необходимость. Благодарю за помощь.

Вышел удовлетворённый разговором. Теперь предполагаемый убийца ограничен во времени, ждать его активности долго вряд ли придётся, и Туманов, не торопясь шагая по брусчатому тротуару, вернулся к размышлениям о медальоне фон Веттина.

По информации сведущего старика выходило, что в медальоне мог находится некий «псевдояд». Если допустить, что это так и было, то становится понятным, каким образом Макаров смог оказаться в стане Шляхтича: банально выжил. Учитывая, что второй выход из пещеры был (он сам через него вышел), то можно предположить, что и Макаров каким-то образом выбрался оттуда. Полковник человек везучий и деятельный, у него могло получиться.

Выбравшись из пещеры он сделал ставку на новую власть – не возвращаться же к своим, учитывая, что о его двурушничестве могло стать известно. Это тоже логично. А дальше тем более: Макаров, уже в своём новом качестве, продолжил поиски обоза.

Такое объяснение Туманова вполне устраивало, за исключением одного – как он мог ошибиться в констатации смерти

своих бойцов, и похоронить их, по сути, заживо? Да ровно так же, как был уверен в смерти Макарова, пропади пропадом эти яды и их особенности! Ощущения своей причастности к *такому* убийству были не переносимы – спасала лишь малая надежда на то, что старик-оценщик мог ошибиться или всё выдумал, и для себя он решил, что лучше всего сейчас придерживаться именно такой версии, иначе была реальная опасность заполучить психическое расстройство. Надо ли говорить, что с медальоном, после всего происшедшего, он расстался без малейшего сожаления?

Предполагаемым местом рандеву он определил ресторан. В гостинице его никто навещать не станет: слишком фешенебельна и под соответствующей охраной – там проживали в основном старшие чины штабов и Правительства. По этой же причине не стал рассматривать и ресторацию «Европы», а решил дожидаться визитёров в ресторане городского сада «Аквариум», менее помпезного и популярного в летнее время, к тому же удобно расположенного на берегу Оми.

Вечер он встретил за отдельным столиком открытого павильона ресторана, у самой реки. Одет был в новый штатский костюм, за поясом наган, а нож брать не стал, имея на то определённый резон – не желал портить новый гардероб. Внутри большого зала грянул кан-кан, означая начало ночного веселья и оно не заставило себя ждать. Все столики были уже заняты, в основном или большей частью офицерами, с дамами и без, остальные места оставались за местными

представителями капитала. Туманов не стал утруждать официанта большим заказом, ограничившись кофе и безе, справедливо полагая, что всё это не на долго – раз; и он явился сюда не набивать желудок – два. Заранее решил не задерживаться, если события не воспоследуют, и ближе к ночи прогуляться пешим порядком, предоставив своему неизвестному противнику более удобные варианты.

Однако, это оказалось излишним – примерно через полчаса к ресторану подкатил, отчаянно скрипнув тормозами, открытый «Руссо-Балт»-Торпедо, из которого шумно выгрузились четверо, и отодвинув в сторону швейцара, шагнувшего было навстречу, целеустремленно двинулись к столику Туманова, ни мало не смущаясь удивлённых взглядов публики. А тому были основания – одеты все четверо были эпично: в чёрные ермаковки с серебряной выпушкой и галунами на рукавах, на рукавах же красовались разноцветные наборы угольников: серебряный, красно-белый и георгиевский, и при чёрных погонах с серебряным вензелем «АА». Дополняли образ черные же шаровары, кавказские пояса и черные фуражки с кокардами из черепа и костей. Черепа присутствовали даже на сверкающих сапогах и рукавах. «*Ну просто ангелы смерти*» – усмехнулся Туманов, расслабленно наблюдая за подходящими. Судя по астрономии на погонах, двое были офицерами, сотник и хорунжий, а двое вовсе вахмистрами. Двигались бесцеремонно, обходя столики и компании, нагоняя тревогу на дам и тень неудовольствия на их

кавалеров. Наконец добрались до столика Туманова, окружив его со всех сторон.

– Здорова вечеряется, любознательный господин? – сотник упёрся в стол кулаками и начал сверлить Туманова взглядом.

– Благодарю, любезный, не жалуюсь.

Всех четверых просто взорвало от таких слов:

– Да как ты смеешь, тля… Фронтовых офицеров… Да я таких в окопах…

– Ша, братва! – сотник хлопнул ладонью по столу, восстанавливая тишину, издевательски вежливо продолжил:

– Дело есть до вашей милости. Не соблаговолите проехать с нами? Или желаете прямо здесь все ответы получить?

Публика с окружающих столиков наблюдала за разговором, а кое-где офицеры демонстративно отодвигали стулья от столов и поворачивались всем корпусом. Ну что делать, недолюбливали армейские офицеры Черных гусар, из партизанской дивизии Анненкова. Именно за такое поведение.

– Соблаговолю. – Туманов спокойно положил на стол чаевые, поднялся, и надел шляпу.

Двинулись к машине тем же путём, меж столиков и стульев павильона. Офицерское общество в ресторане внимательно наблюдало за компанией и высказывалось вполне определённо:

– Клоунада… это не по правилам, господа… не зацепить ли их…

– Готов быть вашим секундантом, – довольно громко сказал поручик соседнего столика.

– Лишнее, господа. – Туманов поблагодарил наклоном головы, – Мы сами во всём разберёмся.

В машину сели следующим порядком: хорунжий взялся за пусковую рукоятку, сотник сел рядом с водителем, а вахмистры разместились на заднем диване, по обе стороны от Туманова. Без лишних слов хорунжий ловко запустил мотор, сел за руль, и под взглядами любопытствующей публики автомобиль укатил в вечерний сумрак. Свернули на Казнаковскую, выехали на Капцевичева и очень быстро мощный 35-ти сильный автомобиль вынес их за городские постройки. Когда миновали дачи, хорунжий свернул влево и авто направился к берегу Иртыша, невдалеке от лесного кордона. Всю дорогу Туманов был сжат с боков вольготно развалившимися попутчиками, сначала внимательно наблюдавшими за ним, а к концу маршрута ставшими проявлять интерес к конечной точке, и глазевшими по сторонам. Замечательно, ждать дальше было незачем. Туманов двумя точными ударами в висок избавился от соседей, навернул кулаком по темени сотнику, и затем сломал ударом шею успевшему повернуть голову водителю, одновременно подсаживаясь к нему и перехватывая управление. Приехали.

Сотника вытянул из авто и привязал к переднему бамперу. Остальных трогать не стал – все трое не подавали признаков жизни, видимо он не рассчитал силу ударов (или наобо-

рот, был расчётливо не сдержан). Пленника обыскал, обнаружив в карманах портсигар, офицерскую книжку, и тонкую гитарную струну, с двумя ручками на концах. В нагрудном кармане нашёл визитку гостиницы, которую оставлял оценщику, и миниатюрный бархатный мешочек, похожий на кисет. Потянув узелок из золотистого галуна развязал, и замер – вот он, подарок от отца матери. В лунном свете мягкой искрой сверкнул гранями алмаз, словно здороваясь после долгой разлуки.

Разговора по душам не получилось, понуждаемый к откровенности сотник рассказал лишь, что действительно ограбил чей-то дом и убил хозяев зимой прошлого года, где и забрал этот кулон. После этого Туманов почувствовал, что впадает в бешенство, и прекратил бессмысленное общение, свернув убийце голову – и так всё было ясно (единственное, что уточнил – были его сопровождающие причастны к смерти родителей или нет? Разобрав невразумительное «мы все братья…», дальше слушать не стал). Погрузил тело обратно на своё место, завёл мотор, разогнал автомобиль и направив его с крутого обрыва в чёрные воды Иртыша, спрыгнул с подножки.

Азиопа

(Шляхтич. 5 – 16 июня 1919г.)

Если вы считаете, что я начал валять дурака в своём новом теле, то немного ошибаетесь. С него предстояло выжать всё, на что оно было способно, и в кратчайшие сроки. Первым делом я (давайте буду от своего имени рассказывать, что бы не путаться) поднял агентурные связи ВЧК в азиатской части, а именно в Челябинске и Тюмени. Удалось установить, что Дутов сейчас находится в Екатеринбурге или Омске, вместе с Верховным правителем, и при новой должности. Стало быть, и Туманову придётся добираться в этакую глушь, и мне предстоит пуститься за ним вслед. В Омске сейчас находилась столица белых, и много разных интересных вещей, типа золотого запаса Российской Империи, поэтому с поездкой тянуть не стал: расстояние приличное, и надо будет ещё как-то фронт переходить. 9 июня я был уже в Уфе, где встретился с Чехом, прибывшим туда с политуправлением 5-й армии. С ним общались на железнодорожном вокзале. Надо сказать, что манера общения Грабыча, как такового, от моей сильно отличалась, и если разговор вёл я, то собеседник, знавший Грабыча давно, мог уловить эти отличия

сразу. Поэтому в беседах со знающими людьми, например с Глебом, я отдавал вожжи прежнему Грабычу, заранее вносся нужные установки, а сам скромно был на контроле, вмешиваясь только в случае необходимости. С Чехом я говорил сам, потому как тот общался с Грабычем всего лишь раз, в Белебее, правда совсем не давно.

– Приветствую, Ярослав. Как видите, наши общие дела двигаются в правильном направлении, на Восток. – я улыбался Чеху.

– Здравствуйте, многоуважаемый товарищ Грабыч. Вы тоже это заметили?– Чех ответно добродушно улыбнулся.

– Ну ещё бы. Последнее время солнце то и дело восходит перед самым носом. – я посчитал, что довольно юмора и перевел беседу на деловые рельсы, – А знаете, ведь мои беспокойные поездки связаны с этим самым Тумановым, о котором вы постеснялись рассказать при нашей последней встрече. Признайтесь, ведь вы тогда его узнали?

Чех вздохнул, отведя глаза в сторону, и как-то уныло обозначил кивок головой.

– Ну-ну, не стоит так переживать, вам ещё крупно повезло, сами понимаете, – видя его вялую реакцию я решил сменить тон на более жёсткий, уж больно легкомысленно он себя вёл:

– Вот что, дражайший товарищ Чех, ошибки в работе случаются у каждого, но с пониманием мы относимся лишь к тем, которые своевременно их исправляют. За вами числит-

ся недоработка, вы согласны?

– Какая? – Чех настороженно посмотрел на меня.

– Что значит какая? Туманова в Бугульме вы упустили, обоз так и не обнаружили, и в Белебее не проявили должной инициативы для его поимки. Разве нет?

– Ну… пожалуй. Видите ли, у меня немного иная специализация: общее управление, информация, газеты, листовки, митинги и …

– Бросьте! Нам всем приходится заниматься не всегда своим делом, мы не в бюро трудоустройства, нам ставит задачи Революция. И выполнять их следует качественно, или не браться вовсе. Но довольно розовых слюней, товарищ Чех. Вам предоставляется возможность исправить свои ошибки. Не подведите в этот раз.

Теперь его взгляд стал более серьёзен. То-то, это тебе не фельетоны строчить, оперативная работа она такая – не среагировал вовремя, и сгинул, как и не было. А ты всё ещё живой.

– Слушаю вас, товарищ Грабыч.

– Совсем скоро фронт двинется дальше. Ваша задача, раз уж вы имеете такое предпочтение: искать информацию о Туманове и Дутове. Где, когда, и каким образом она получена – обо всём немедленно сообщать в политотдел армии. Настройтесь на долгую работу, Ярослав, вам предстоит её выполнять от Челябинска и до самого Владивостока, до тех пор, пока не получите иную команду.

Повисшая пауза была неплоха, она означала, что товарищ демонстрирует глубокое осознание важности поставленной задачи. Впрочем, это я и так знал.

– Справитесь?

– Постараюсь.

– Это не ответ. И если вы скажете: «Сделаю всё, что в моих силах» – это меня тоже не устроит.

– Справлюсь.

– Верю. Не подведите, товарищ Чех. Шутки в сторону, сейчас им не время, – я снова улыбнулся, уже ободряюще, и протянул ему руку, передавая энергетический посыл через крепкое пожатие.

Разумеется, направление выделенное Чеху было второстепенным, к тому времени, когда он окажется на территории Челябинска, Туманова и Дутова там и след простынет. Но, тем не менее, сбор информации будет там не лишним, пусть покопается в захваченных документах и архивах, может и нароет что стоящее. А мне предстоит поработать в самом вражьем логове, иначе так и буду бегать вдогонку, а таким способом этих зверюг не поймать.

Следующей целью для меня был Екатеринбург. Почему он? Да там один знакомый объявился, к тому же ещё и должник – некий Клепинов. Вспомнили? Если кто не в курсе: эта персона своей излишней инициативой за малым не сорвала мне серьёзнейшую операцию, просто по чистой случайности

едва не угробив центрального фигуранта всей разработки. Да, да, я про Туманова, про кого ж ещё. Посему должок с него я взыщу, и с процентами – он был моей личной агентурой, и так подставил. Вот с каким контингентом мне приходится иметь дело.

Ну да ладно, кто старое помянет… Сейчас его статус был очень кстати: личный адъютант главного начальника Тюменского военного округа. Согласитесь, звучит: Адъютант его Превосходительства? Но была небольшая заноза – это превосходительство, вместе с адъютантом, находилось за линией фронта. (*Такая проблемка не казалась мне прежде существенной, да и не являлась таковой в действительности, просто я рассчитывал на иную методу поиска: нащупал Туманова дистанционно, переместился, подселился, как к Грабычу, и дальше дело техники – забрал клад руками Туманова, но для себя. Да-с. Не срослось. Я не мог видеть своего визави, как и раньше*).

Никаких сложностей с переходом фронта не возникло, я вообще устранился от этого вопроса – передал бразды правления телом Грабычу. В этот же день он доехал железной дорогой до Урмана, после которого, в сопровождении местных товарищей, перешёл линию фронта лесными и горными тропами. Они сутки выводили Грабыча до Аши, находящейся в тылу белых, и там посадили в товарный вагон, в котором он добрался до Бердяуша, и оттуда уже, через Нязепетровск и Нижние Серги, выехал на Екатеринбург. Быстрее маршрута

не существовало, и 12 июня Грабыч уже шагал по улицам Екатеринбурга. Там я снова занял место у *штурвала*.

В здание Штаба округа, на Главном Проспекте, я соваться не стал, а проследовал дальше, до пересечения с Успенской, где находилась гостиница Атаманова, в которой разместилось начальство округа. Там же, этажом ниже, проживал и Клепинов, о чём заранее обстоятельно доложила местная агентура. Я не стал ходить вокруг да около, и направился прямиком в гостиницу, попросив открыть мне номер моего «друга», в котором и собирался дожидаться Флеогонта-свет-Фирсовича. Само собой, на чопорного администратора и портье пришлось в меру *надавить*, иначе бы нипочём не пустили.

Итак, я с комфортом расположился в номере Клепинова, заказал себе кофе и принялся ждать. Для предстоящей беседы я постарался воссоздать обстановку, похожую на ту, в которой произошло наше первое знакомство с ним, в Казани. Лампа над столом, кресло в полумраке, в котором я прекрасно себя ощущал – всё было готово.

Клепинов появился ближе к полуночи (вот какая работоспособность у человека), и прямо с порога чётко простучал каблуками к столу, прикрыв дверь. Портье его, конечно же, предупредил о госте.

– С кем имею? – негостеприимно спросил он, бросил на стол перчатки и чуть прибавил яркость лампы, стараясь лучше рассмотреть меня.

А я тем временем рассматривал его. Внешне бывший прапорщик с прошлой осени изменился не очень, разве что седины добавилось. Но стал более собранным и волевым, и целым поручиком. А в мыслях сквозила настороженность и готовность действовать решительно. Меня он, понятное дело, узнать не мог.

– Доброй ночи, Флеогонт Фирсович. – я слегка приподнялся и вежливо наклонил голову, – Сазонов Вениамин Карлович, меценат и промышленник. К вашим услугам.

– Не имею чести знать, – по хозяйски жёстко ответил Клепинов – что вам угодно?

– Я к вам по делу, не терпящему отлагательств. Прошу вас, присядьте.

Клепинов слегка облокотился на край столешницы, сцепив руки у паха. Фу, как невежливо, ещё бы уселся на стол.

– Я вас слушаю.

– Дело сугубой конфиденциальности, посему был вынужден встретиться с вами не на службе, а в более неформальной обстановке, – я обвёл рукой рук антураж комнаты и продолжил:

– Я от шефа.

Реакция Клепинова была почти молниеносной: он неуловимым движением выхватил из кобуры револьвер и направил ствол на меня, держа оружие у пояса. Быстр, но легко читаем, и так же управляем: я мысленно сдавил ему лучевой нерв, отчего револьвер выпал из его руки на пушистый ко-

вёр, и также мысленно толкнул в грудь, заставив сесть в венский стул.

– Спокойнее, Флеогонт Фирсович, давайте без нервов. Что вас смущает?

Клепинов удивленно посмотрел на свою руку, чуть поморщившись от неприятных ощущений и, потом уже, на меня, с ещё большей настороженностью. «*Неужели от него*?..» – легко считались его мысли.

– Подтвердитесь… – наконец проскрипел он.

– Ну сразу бы так, а вы за оружие. – я спокойно улыбнулся и произнёс кодовую фразу:

– *Камские зори хороши*.

Чуть дёрнув подбородком я поторопил собеседника с ответом.

– *Но Бельские лучше*… – нехотя ответил Клепинов.

Приятно было услышать рабочий код опознания, придуманный мной на ходу, в Юлдашево, при нашей последней встрече.

– Расслабьтесь, право. Кофе уже холодный, но взбодрит, прошу, он для вас. – я кивнул на кофейную чашку на столе, затем поднялся из своего удобного кресла, крутанул ручку патефона, аккуратно поставил иголку на пластинку, и под мелодичный голос Комаровой, выводивший «Ночные цветы», негромко продолжил, подсаживаясь к столу:

– Итак, что я о вас знаю: в Казани вы были причастны к обеспечению удачного наступления войск Комуча; в чис-

ле прочих упустили из-под носа без малого сто пудов золотого запаса Российской Империи; не смогли задержать виновника сего безобразия Туманова; и, в завершение, попытались уничтожить его в Бугульме, взорвав вагон по пути следования эшелона. Отмечу, что последнее было вашей личной инициативой, которую следовало согласовать, или, как минимум, доложить об этом. Далее, по заданию шефа поступили на службу в ведомствах Уфимской директории, затем вместе с ней перебрались в Омск, и теперь служите в качестве адъютанта главного начальника Тюменского военного округа, генерал-лейтенанта Рычкова. Что из озвученного нуждается в уточнении?

– Личного адъютанта. – Клепинов, наконец, смирился с явлением посланника своего предыдущего начальства.

– Извините. – я приложил руку к груди, – Всё остальное верно?

– Туманов живой?

– И ещё какой. Недоработали вы со своим чемоданом, Флеогонт Фирсович. Впрочем, оно и к лучшему, теперь есть возможность исправить ваш просчёт. Туманов может появиться в Омске. Вам предстоит направиться туда, и отследить прибытие вашего старого знакомца. Согласитесь, оставаться в стороне от такого события вам не с руки – его появление в Омске для вас будет означать определённые неудобства. А дальше будем действовать по ситуации, скорее всего сообща.

– Вы, господин Сазонов, наверное не поняли. Я личный адъютант главного начальника округа, и не распоряжаюсь своим временем.

– Насколько мне известно, ваш патрон – Вениамин Вениаминович – является ещё и главным начальником снабжения армии. Наверняка у него всегда есть дела в Главном штабе Военного министерства или Штабе верховного главнокомандующего. Используйте эту возможность, завтра вы должны выехать в Омск, с поручением от Рычкова или без оного. Три дня вам на дорогу, значит 15 июня встретимся в Омске, в ресторане гостиницы «Россия».

Я добавил энергетический посыл для поднятия энтузиазма в мыслительный процесс Клепинова (а то собрался тут канючить: «не могу-с… у меня начальство…»). *Теперь я твоё начальство*.

– Хорошо. Я знаю как всё устроить.

– Вот и замечательно Флеогонт Фирсович, я в вас не сомневался. Не смею дольше обременять своим присутствием, до встречи в Омске.

Омск показался мне чрезмерно европеизированным азиатским городом. Спрашиваете – почему? Менталитет, понимаете? Мишура лоска, кружева и дорогой одеколон меркли, разбиваясь о кондовый запах капустной гнили и пшеничного самогона в рабочих кварталах. Азия и Европа попытались честно скрепить свой союз браком в этом городе, но полу-

чилось плохо. Точнее никак. Ладно, это лирика. Прибыл я в город 15-го утром, так что было время осмотреться, и наладить связь с местным подпольем.

Товарищи встретили без цветов и оркестра, но деловито, даже с квартирой мне помогли, не скрою – подселили к семье рабочего, и выделили отдельную комнату, по пролетарски честно поделив пополам все имеющиеся метры: в другой комнатке теснились муж с женой и ребёнком. Злоупотреблять гостеприимством я не собирался, дел было невпроворот, да и не привык я полагаться в собственной безопасности на совершенно незнакомых мне людей, но как запасной вариант конспиративное жильё было не лишним. С нашим агентурным подпольем в городе обстояло не лучшим образом. Всего два месяца назад, в апреле, актив местного обкома ВКПб был ликвидирован колчаковской контрразведкой. Присланные на смену товарищи Марк и Пантелеймон пока ещё входили в курс дел, занимались большей частью агитацией и распропагандой солдат в частях. Наладили работу подпольной типографии, да: только куда мне эту типографию? Мне нужны были толковые оперативники, которых бы не ухватила за хвост контрразведка. А таких не было. Больше всего меня удивляло проскальзывающее иной раз деление местными товарищей на *сибирских* и *российских*. То есть разные мы с ними, понимаете? Даже деньги они свои печатали, «сибирки» – ну, и какая тут Европа? А цены? Короче говоря, пришлось рассчитывать на самого себя, как обычно.

Впрочем, кое-что до моего приезда агентура собрать смогла. Во-первых, установили адрес проживания родителей Туманова, через адресное бюро. Во-вторых, наш человек посетил указанный адрес, и обнаружил, что дом полностью разрушен пожаром, и ранее там действительно проживали родители Туманова. В-третьих, и это важно, выяснили через опрос жителей улицы, что дом сгорел зимой прошлого года в следствии поджога, а перед этим родители Туманова были убиты. Вся эта информация была добыта из открытых источников, так сказать: адресное бюро, газеты, рассказы очевидцев. Я мог со стопроцентной вероятностью предполагать, что Туманов, вернувшись в родной город, предпримет меры для расследования убийства родителей, и постарается найти убийц (а вы на его месте не постарались бы?). Значит, надо его опередить, и посмотреть, возможно ли этих убийц использовать в качестве живца на самого Туманова.

С Клепиновым встретились тем же вечером, в ресторане гостиницы Россия, на Любинском проспекте. Не подвёл поручик, прибыл вовремя, и держал себя молодцом. Подсел ко мне за стол этаким гоголем, по хозяйски осматривая публику в ресторане, и жестом подзывая официанта.

– С прибытием, Флеогонт Францевич.

– Здравия желаю, – не глядя на меня ответствовал Клепинов, приветственно кивая кому-то знакомому в зале, и бросил подскочившему официанту: – Шустовскую.

Затем уже соизволил обратить своё внимание на собесед-

ника, и дальше держался довольно почтительно.

– Как добрались, Вениамин Карлович? Я прямо с вагона, не было времени устроиться.

– Добрался отлично, будем соседями: вы ведь тоже в этой гостинице намерены остановиться? Давайте к делу. С чего планируете начать поиск Туманова?

– Уже начал. Увидел в зале хорошего знакомого, подпоручика Борисова. Полгода назад переведён сюда с округа, по линии министерства внутренних дел. Приятельствовали вне службы, могу рассчитывать на его помощь.

– Неплохо. Если с его стороны действительно будет содействие, то постарайтесь выяснить всё, что известно в этом ведомстве относительно убийства родителей Туманова, по месту их жительства. Адрес я вам дам.

На том деловая часть общения была свёрнута, к нашему столу уже приближался незнакомый мне подпоручик, и дальнейший остаток вечера превратился в обычную пьянку, избегать которой я посчитал неправильным. На всякий случай просканировал мысли незнакомца, но кроме вежливого любопытства к моей персоне ничего не увидел. Откланялся раньше всех, всё же пить с офицерами на равных не для меня, кроме того, в таких посиделках и начинаются оперативные разработки, которую задумал Клепинов. Пусть работает.

Следующий день я потратил на сбор сведений по убийству Тумановских родителей. Проанализировал информацию, какую довольно быстро удалось собрать местным под-

польным и официальным «пинкертонам», и оказалось, что была она крайне интересной. Начало сей истории было положено в конце 1917 года, когда с фронтов Первой мировой в Омск вернулся отряд Анненкова. Очень быстро гонористый атаман разругался с местным Советом казачьих депутатов, которые в ответ потребовали от него полного разоружения верных ему партизан. Анненков показал им шиш, и был тут же объявлен вне закона. Часть партизан вместе с атаманом ушли в леса и степи, на нелегальное положение. Там, не долго думая, Анненков собрал новый партизанский отряд, но теперь уже для борьбы с красными. Та часть его отряда, которая осталась в Омске с большевиками, особой верности новой власти также не проявляла, и бандитствовала в городе, как могла. В этой банде особо выделялась команда Краснопёрова, численностью в пять или шесть человек. Грабили дома, лютовали, они же и дом Туманова обнесли в январе прошлого года. Хозяев убили, а дом подпалили. Это стало известно довольно быстро: хвастались двое из них как-то по пьяному делу. Этих хвастунов скоро нашли повешенными, с вырванными языками – свои же их и порешили, за болтовню. А в феврале на Омск совершил набег Анненков, со своим новым партизанским отрядом. Краснопёровская шайка снова к нему присоединилась, да так с атаманом и ушла. Сейчас, говорят, где-то поблизости отираются, на службе у Колчака: видели Краснопёрова с тремя подельниками около ломбарда, в форме Чёрных гусар (это у Анненкова что-то вроде

особо доверенного отряда). Вот вам и первая приманка для Туманова! И она была не единственной.

Помните про «должок» и «проценты», которые мне задолжал Клепинов? Моя задумка обнуляла все эти долги: я решил использовать его в качестве ещё одной приманки на Туманова. Посудите сами – они встречались в Казани, там Туманов надул с золотом всех, включая и Клепинова, и последний пустился по его следу. Встретились они много позже, tet-a-tet, в лесной глуши, и Туманов вышел из этой встречи победителем, по какой-то причине пощадив Клепинова, но выставив его совершенным идиотом. Оскорбление получилось публичным (выручил неудачливого прапорщика ваш покорный слуга, и были ещё куча свидетелей его позора – беспомощный и оборванный, он был буквально нанизан на деревянный дрын сквозь рукава шинели), и Клепинов не преминул чуть позже отомстить обидчику, взорвав вагон в котором тот путешествовал. Правда неудачно.

Согласитесь, у обоих остались основания для обоюдной неприязни? Вот этим я и воспользуюсь. Риск для Клепинова присутствует, само собой, но я же говорил про «проценты»? Это они и есть. В общем, задумка вырисовывалась такая: Клепинов ищет Туманова, я наблюдаю за Клепиновым и этим, как его, Краснопёровым, попутно расставляя ловушки и петли для конечной фазы охоты. Если всё выгорит – Дутов Глебу уже будет не нужен, пусть себе живёт.

Сибирские мотивы

(Туманов. 18 июня 1919г.)

Время решил провести в праздном безделье. Накануне, вернувшись к себе в номер уже под утро, Туманов лёг спать и проснулся ближе к полудню. Спустился в ресторан, пообедал, почитал свежие газеты (от чего совсем уже отвык), и прогулялся по набережной. Гражданский костюм давал больше свободы в поведении, чем он и пользовался с удовольствием. Наблюдал за прохожими и городом оставаясь почти незаметным для любопытных глаз. Так он считал, по крайней мере. Оказалось – зря.

На обратном пути к гостинице, уже на подходе, с двух сторон словно материализовались два аккуратно одетых типа в штатском, и дипломатично коснулись пальцами головных уборов.

– Прошу прощения, господин Туманов, – вежливо обратился к нему видимо старший, и представился:

– Агент управления Государственной охраны Рулёв.

– Чему обязан, господа?

Окинул взглядом окрестности, и увидел невдалеке легковой автомобиль с водителем, наблюдающим за происходя-

щим. Всего трое. Не похоже на захват или засаду.

– Вас ожидает для срочного разговора начальник особого отдела Государственной охраны, полковник Львов. Прошу вас, Сергей Аркадьевич, – он аккуратно указал рукой в сторону автомобиля.

– Позвольте ваши документы?

Оба незамедлительно, привычным движением достали и развернули для ознакомления служебные удостоверения Госохраны. Всё было верно: агент Рулёв и филёр Спиридонов. Поехали.

До трёхэтажного здания бывшего Степного генерал-губернаторства, где ныне разместилось Министерство внутренних дел Российского правительства, добрались быстро. Спиридонов с водителем остались в автомобиле, а Рулёв и Туманов незамедлительно проследовали к кабинету начальника особого отдела Государственной охраны. У дверей Рулёв попросил подождать, сам скрылся за массивной дубовой створкой, и через несколько секунд открыл её, пропуская Туманова в кабинет:

– Прошу вас.

Из-за стола поднялся полковник и, приглашая Туманова, жестом указал на стул.

– Проходите, Сергей Аркадьевич, присаживайтесь. – сухо представился: – Полковник Львов, Николай Васильевич.

– Благодарю. Слушаю вас.

– Я пригласил вас для беседы, в связи со следующими об-

стоятельствами.

По долгу службы наше ведомство наблюдает за местами массового посещения, в этом нет никакого секрета. Вчера вечером, филёрами уголовной милиции зафиксирован инцидент в ресторане городского сада, в котором были замешаны четверо казаков генерала Анненкова, и вы-с, Сергей Аркадьевич. Инцидент был мелким, однако, после того, как все его участники убыли в неизвестном направлении, четверо из них пропали. За исключением вас. Пропавших ищут, милиция и сослуживцы. Что вы можете пояснить по этому поводу?

– Не много, господин полковник. – Туманов спокойно осмотрел кабинет и его хозяина, – Разговор был по частному вопросу, я разыскивал фамильное украшение моей матери, пропавшее после убийства родителей, зимой прошлого года. Мои собеседники оказались достаточно любезны, чтобы помочь мне в этом, и сами передали то, что я разыскивал. За сим мы расстались.

– Эта вещь при вас?

– Извольте. – Туманов аккуратно вынул из кармана мешочек с кулоном и положил его на стол.

Полковник развязал узел и внимательно осмотрел алмазный кулон, обратив внимание на вензель оправы.

– «ПТ» это фамильное?

– Да. Инициалы моей мамы, Полины Тумановой.

– Кто может подтвердить принадлежность кулона вашей

семье?

– Разве что соседи родителей. Возможно. Не берусь утверждать.

– Рылёв! – полковник нажал что-то под столом, и приказал появившемуся в дверях агенту:

– Немедленно проверить у соседей принадлежность этой вещи погибшим родителям. – и, протягивая мешочек с кулоном агенту, поинтересовался: – Вы не станете возражать, Сергей Аркадьевич?

– Не стану.

– Пока уточняют этот момент, поговорим вот о чём, – полковник взял в руки несколько листов с текстом, бегло просмотрел и продолжил, – Пропавшие после общения с вами собеседники, известны в нашем ведомстве исключительно в криминальной ипостаси. Откровенно скажу, нет никакого желания беспокоиться по поводу их исчезновения, тем более, что в отношении вашей персоны получены самые лестные характеристики. Однако эти люди из близкого окружения атамана Анненкова, а это чревато разного рода последствиями. Нехорошими. Собственно, поэтому дело из уголовной милиции и передали нам, в особый отдел.

Полковник встал из-за стола, прошёлся по кабинету, заложив руки за спину и остановился у окна. Помолчал, наконец спросил:

– Ответьте, почему в ломбарде вы сказали, что кулон принадлежит вашей жене, а не матери? Ведь вы не женаты?

– Я сказал про жену, и о своём предстоящем отъезде для того, чтобы встреча с этими людьми состоялась быстрее.

– Мда, так и думал: заинтриговали и ограничили во времени. Что-ж, толково. Надеюсь, концы спрятаны достаточно надёжно?

Полковник развернулся к Туманову и посмотрел на него с некоторой иронией.

– Не понимаю вас. – Туманов спокойно выдержал взгляд и неожиданный вопрос, – Мы расстались с ними без претензий, и разошлись каждый в свою сторону.

– Представляю. – Львов взял трубку телефонного аппарата и буркнул в неё: – Кастрицина дайте… Вячеслав Леонтьевич, зайдите ко мне.

Через некоторое время в кабинет вошёл подполковник, держа в руках зелёную папку.

– Здравия желаю, господин полковник.

– Каковы последние результаты наблюдения по вчерашнему делу?

– Старшим агентом-наблюдателем Суриным выявлено, что за… объектом ведётся скрытное наблюдение, силами двух человек. Личность одного из них удалось установить, это некий Сазонов Вениамин Карлович, проживающий…

– Довольно. Дайте рапорт, – полковник протянул руку, в которую Кастрицын тут же вложил лист бумаги.

Львов просмотрел рукописный текст, и спросил Туманова:

– Вам знаком некий господин Сазонов, Сергей Аркадьевич?

– Не имею чести…

Полковник словно ожидал такого ответа и кивнул Кастрицыну:

– Задерживайте, Вячеслав Леонтьевич. Устанавливать личность второго нет времени.

– Слушаюсь, – подполковник чётко развернулся через левое плечо и вышел из кабинета.

– Видите, насколько вы популярны: третьи сутки, как приехали, а вокруг вас столько событий. – полковник сел на своём место и как ученик сложил руки на столе, – Неужели вы не заметили за собой слежку?

– Не считаю её опасной для себя, господин полковник. Любая слежка закончится действием, а к неожиданностям я готов.

– Да, наслышан-с… Мы вас пригласили на беседу прямо с улицы, публично, не просто так. Сия сцена была для топтунов, шедших за вами. Не наших, позвольте уточнить. Лишних вопросов вам задавать не рекомендовано, но обезопасить ваше нахождение на вверенной мне территории обязан-с, поэтому был вынужден доставить на разговор таким вот, демонстрационным образом, и предупреждаю о непонятных пока движениях вокруг вас. Со всем разберёмся, уверен, и буду рад – если с вашей помощью… Не желаете? – полковник раскрыл портсигар и протянул Туманову.

– Благодарю. Я не курю.

– А я, с вашего позволения…

Львов чиркнув спичкой закурил сигарету, и затушив огонь резким взмахом руки, подвинул к себе пепельницу. В этот момент затрезвонил телефонный аппарат, и полковник снял трубку:

– Львов у аппарата… Ясно, Рылёв. Жду. – он положил трубку, и сделав несколько неспешных затяжек затушил сигарету.

– Принадлежность кулона установлена, им действительно владели ваши родители. Мне кажется вероятной следующая версия событий: вы искали кулон матери, обладатели кулона узнав об этом вас нашли, после *цивилизованных* переговоров вы смогли убедить их в том, что кулон принадлежит вам по праву наследования, после чего ваши собеседники передали кулон вам и вы расстались. Вы согласны?

Туманов нейтрально пожал плечами: да мол, примерно так.

– У меня к вам больше вопросов не имеется, Сергей Аркадьевич. Сейчас явится Рылёв, заберёте свой кулон и не смею вас больше задерживать.

Ожидая возвращения Рылёва полковник предложил кофе, и они успели побеседовать о разных пустяках. От любезного предложения подвезти до гостиницы Туманов отказался, и из здания Министерства он вышел уже ближе к вечеру.

Ужинать решил в ресторане гостиницы. По вечернему

времени зал ресторации был полон, и официант проводил его в самый дальний угол, где за столиком был единственный посетитель – молодая дама, скучающе рассматривавшая публику. Учтиво поинтересовавшись у неё, не будет ли она возражать соседству, официант смахнул со стола несуществующую соринку и, приняв заказ Туманова, моментально удалился.

– Сударыня, прошу простить за вторжение. Серж Туманов, к вашим услугам. – Туманов вежливо поклонился.

– Виктория Грацианова, – любезно ответила дама, – рада приятному обществу, господин Туманов. Наконец-то судьба одарила собеседником, представьте только: даже о погоде поговорить было не с кем. А она замечательна, не правда ли?

– Много лучше ситуации на фронте, сударыня.

Дама засмеялась, слегка шлёпнув веером по руке собеседника, окутав его терпким ароматов духов.

– Чувствуется юмор военного человека! Как я рада, что вечер не будет томным!

Он и не был томным, особенно после первых бокалов шампанского и завязавшейся своим чередом непринуждённой беседы. Туманов выдерживал в разговоре определённую дистанцию, не предпринимая попыток нарушить приватность собеседницы. Время от времени незаметно осматривал зал, понимая, что ход событий последних суток только набирает обороты, и бдительность ослаблять не следует. После второго бокала ему стало жарко, и панорама зала мед-

ленно спланировала в сторону, поменяв местами ковры на полу и хрустальные люстры, которые, брызнув в стороны алмазными искрами, тут же погасли…

…Темнота постепенно наполнилась звуками, сначала стали различимы незнакомые голоса.

– Zabijete ho, doktore (Вы его угробите, доктор)!

– Podívej, přijde k rozumu (Смотрите, он приходит в себя).

Хлопнула дверь. Какие-то глухие крики в соседнем помещении. Пришла боль: первым заныл затылок, словно оттаивая от холода, потом кольнуло сердце, неожиданно невероятно часто стучавшее в груди. Туманов не открывая глаз попробовал шевельнуть руками, и не смог – они оказались чем-то приторочены к плоскости, на которой он лежал.

– Hýbe se, sláva Všemohoucímu (Он шевелится, слава Всевышнему), – голос был с хрипотцой, с командными нотками.

Кто-то грубо похлопал его по щекам, отчего в висках выстрелило болью, и Туманов открыл глаза.

Мрачное помещение, плохо освещённое тусклой лампой под потолком, тёмное, узкое и высокое окно, голые, салатного цвета стены, и трое людей в штатском, стоящие вокруг него. Судя по всему, лежал он на столе.

– Очухались, сударь? – с лёгким акцентом спросил тот, что был постарше и имел единственное отличие от остальных – пышные усы. Голос тот же, с хрипотцой, скорее всего он и был старшим.

Стоящий ближе к двери тронул запястье Туманова и молча сосредоточился на его пульсе, видимо – врач.

– Пульс частый, но хороший. Годен, – кивнул старшему.

– Отлично. Лежите пока тут, – усач удовлетворённо окинул взглядом фигуру Туманова, – За вами придут.

И все трое вышли из комнаты, больше походившей на камеру. Туманов осмотрелся, насколько позволяло ему неудобное положение связанного по рукам и ногам: он действительно лежал на большом, длинном столе, привязанный к нему за все четыре конечности. Кроме этого стола в помещении была медицинская капельница рядом, пара стульев, и ещё один, меньший, письменный стол у самого окна. Окно было забрано в решётку.

Осмотрел как мог себя. Лежал в брюках и рубахе, без обуви. Правый рукав был закатан, и сгиб локтя заклеен пластырем. Судя по всему, это ему ставили капельницу. Попытался вспомнить, что с ним произошло, но кроме короткого общения с дамой, после которого он потерял сознание, ничего в памяти не осталось. Во рту был горький привкус какого-то медикамента. *Отравили*? *Чем*? *Шампанское*? *Эти, судя по речи – чехи. Почему в штатском*? *Контрразведка, вот почему*. Это умозаключение ему не понравилось. Чешский корпус, каким бы он союзником не числился, был в армейской структуре войск государством в государстве, у которого была своя разведка, контрразведка и особый отдел. И постоянные конфликты с российским руководством: с такими союз-

никами никаких врагов не нужно. Очень просто можно было исчезнуть в его казематах, и концов не отыщут. Кстати, о концах: а что им нужно? Это следовало выяснить.

Прошло не менее получаса, прежде чем тишину прервал стук отодвигаемого запора и скрип двери. В камеру зашли двое. Одеты в офицерские френчи английского сукна и без погон, с золотой тесьмой на нарукавных нашивках, шестиугольные картузы с белокрасными кокардами – точно чехи. Судя по нашивкам: майор и капитан. У майора папочка, которую молча развязал, усаживаясь за стол у окна, у второго в руках пиджак Туманова и бумажный пакет.

– Ожили, голубчик? – майор говорил чисто, совершенно без акцента, – Отлично, давайте поговорим. Вы находитесь в военной контрразведке, я майор Дворжак, мой помощник капитан Соучек. А вы кто?

– Оригинально знакомитесь. Не желаете прилечь рядом, для беседы, господин майор? – спокойно ответил Туманов.

– Посадите его, Соучек.

Капитан перевязал левую руку Туманова к спинке стула, затем развязал ему ноги и помог сесть на стул. Получилось не многим лучше: руки по прежнему остались привязаны – одна к стулу, другая к столу.

– Мои документы в кармане пиджака, ознакомьтесь.

Капитан вытряхнул из пакета на стол его вещи и документы. Майор раскрыл удостоверение личности и разглядывая его спросил:

– Ну? Я жду. Назовитесь.

– Генерального штаба капитан Туманов. На каком основании я здесь?

Майор взял в руки бумагу из папки, пробежал её глазами.

– Ответьте, где вы находились с 13-го по 20-е августа прошлого года?

– Воевал. Обоснуйте ваш интерес прежде, чем задавать вопросы.

– Постараюсь освежить вам память. В этот период времени вы находились в районе Епанчино. Вспоминаете?

– Нет. Мои перемещения не в вашей компетенции.

– Вот рапорт сотрудника контрразведки Поволжской группы наших войск, надпоручика Кадлеца. В нём утверждается, что вы в означенный период были причастны к убийству семерых солдат Чешской армии, на переправе у села Епанчино. Это уголовное преступление, совершённое в отношении наших солдат, а это входит в нашу компетенцию.

– Чепуха. Вы меня с кем-то путаете.

– Поэтому и ответьте: где вы были в августе прошлого года. Это серьёзное обвинение в отношении вас, капитан, советую приложить усилия и вспомнить.

Вспоминать тут было нечего. Связать его фамилию с исчезновением семерых караульных на переправе можно было в одном случае – имея на руках ориентировку Комуча того периода на поиск и задержание Туманова. Никак иначе. Простое сопоставление фактов внимательного контрразвед-

чика. Значит интерес чехов в обозе, и ни в чём ином. Пора прощаться, и он начал разгонять организм для работы.

– Хорошо. Дайте мне бумагу и перо, мне нужно время, чтобы точнее восстановить ход событий за тот период.

– Это правильное решение. Вот вам бумага, карандаш.

Майор подвинул на край своего стола письменные принадлежности, и кивнул капитану:

– Uvolni mu jednu ruku, Marku (Освободи ему одну руку, Марек).

Капитан положил на стол, к которому был привязан Туманов, лист бумаги и длинный карандаш, и развязал ему правую руку.

Дальнейшее произошло молниеносно: капитан ещё падал с торчащим из уха кончиком карандаша, а Туманов уже припечатал стулом к стене не успевшего ничего понять майора. Добавил кулаком по картузу, освободился от пут и первым делом связал его. Стулом подпёр дверь, надел свои штиблеты, оказавшиеся под столом, и привёл в чувство контуженного майора, энергично растирая тому уши и нос.

Едва тот пришёл в сознание и открыл глаза, сдавил ему кадык и задал несколько вопросов:

– Кто дал команду на моё задержание?

– Господин полковник Зайчек… – майор сотрудничал инициативно, кося глазами на тело лежавшего в лужице крови капитана.

– Как и чем меня отравили?

– Веер… чем не знаю.

– Как отсюда выйти?

Майор внятно объяснил расположение коридоров, камер и охраны здания. Их помещение находилось на втором этаже. По ночному времени караул был только внизу, у входа, плюс по охраннику на каждом этаже. На вопрос, а где те трое, что приводили Туманова в чувство, майор пожал плечами, виновато втянув в них голову. Миндальничать с ним не стал – подхватил за затылок и крепко приложил виском об угол стола. На войне, как на войне…

Забрал свои вещи и пиджак, привёл себя в порядок, поправил шляпу. Из камеры выходил вальяжно, с папкой в руке. Дверь приоткрыл не широко, чтобы хватило самому, и не было видно с коридора, что там творится в помещении. И правильно поступил: почти напротив двери, у стены расселся на стуле один из той троицы, крепко сбитый человек в шерстяном костюме в полоску, и в шляпе канотье. Туманов вежливо ему улыбнулся и придерживая дверь сказал:

– Просимо пана.

Человек удивлённо поднялся и, сделав шаг к двери, заглянул внутрь. Пропустив его мимо себя, Туманов коротко ударил костяшками пальцев в горло, и когда тот запрокинул голову, пытаясь вдохнуть хоть глоток воздуха, положил ладонь на лоб и резко надавил вниз, направляя затылок к пяткам. Под хруст шейных позвонков тело осело внутрь камеры.

Так же вежливо прикрыв дверь, Туманов направился по

коридору к лестничному пролёту. Таких камер, как та, из которой он выбрался, было не много – три или четыре, остальные двери выглядели обычными для служебных кабинетов. Окна в обеих концах коридора были темны, и он освещался неяркими лампочками, света которых едва хватало рассмотреть, где находится лестница да фигуру охранника перед ней. Не торопясь, но уверенно прошёл мимо солдата в форме, на что тот отреагировал безразлично (чем спас себе жизнь), спустился по идущей дугой лестнице до первого этажа, и толкнул дверь на улицу. Небрежно держа папку левой рукой кивнул охраннику у двери, сошёл с крыльца и зашагал в темноту улицы.

Дружественный огонь

(Шляхтич 17-20 июня 1919г.)

Местных товарищей попросил выделить мне помощника, для ведения наблюдения, одному с этой задачей, казалось, было не справиться. Прислали парня, Никиту, семнадцати годков, вполне зрелый боец, глазастый и шустрый. Главное – местный. Его я определил смотреть за руинами тумановского дома, дав подробное описание внешности Туманова: не мог мой враг не посетить отчий дом, там обязательно нужно было ставить наблюдение. Сам же прогулялся по городу, навестив наиболее перспективные для встречи места – штабы военного Министерства и главнокомандующего на Шпрингеровской. Потратил на изучение посетителей без малого три часа, но кроме Клепинова, болтающего на крыльце с каким-то полковником, никого знакомого не увидел. Там меня и нашёл мой запыхавшийся, шустрый помощник.

– Так что, товарищ Иванов, был там ентот человек. Тока вчерась. Как есть был, я у своих дружков там поспрошал. Видали его, лазил по обломкам, смотрел чегой-та. Посля ушёл.

– Куда ушёл? – по инерции спросил я, хотя понимал, что ответа не будет.

– Куды подевался никто не видел… – развёл руками Никита.

Впрочем, этой информации было достаточно. Значит он в городе, и дом родителей уже навестил. Второй раз на пепелище, на его месте, я бы не пошёл – зачем? Стало быть, и нам там делать больше нечего. Никиту я пристроил наблюдать у второй приличной гостиницы города – «Европы», а сам стал выписывать круги возле городского ломбарда, рассудив, что непременно заглянул бы сюда, случись с моими близкими подобная трагедия – а ну как да заложил кто-нибудь семейные ценности?

Туманова я увидел внезапно, даже не поверил своим глазам. Это потому, что одет он был в приличный цивильный костюм, что узнаваемость фигуры несколько меняло. Шёл по улице уверенно, со стороны центра и не раздумывая скрылся в дверях ломбарда.

Ух, от неожиданности даже дыхание сбилось, надо же: увидеть своего убийцу в целости и здравии (это не имеет значения, что тогда в лесу я выжил, убивал-то он меня вполне серъёзно)… Сходу попытался считать его мысли, и ожидаемо потерпел фиаско – вы пробовали считывать мысли тумана или облака? Попробовал воздействовать ментально, и с тем же успехом: словно в густой пар сунул руку, только холодный. Поэтому я его и не мог обнаружить ментально – наложение картинки физического зрения на образы ментальной визуализации лишь помогают найти объект в любой точ-

ке внешнего пространства. Иначе говоря, видел раньше значит найдешь, но только в том случае, если он не защищён каким-либо образом. Хм, так и не расстаётся он с амулетом, что-ли… Но как я настроился на интуитивную волну своего врага, а? Всё высчитал верно (главное теперь не обделаться в очередной раз).

В ломбард, вслед за Тумановым, соваться не стал. Выбрал место подальше, чтобы двери были как на ладони, и стал ждать. Прошло около получаса, после чего Туманов вышел на улицу, но уходить не спешил: отошёл в сторону и пристроился в тени деревьев. Что это он – наблюдает за ломбардом? Интересно девки пляшут… неужели нашёл что-то там, зацепил след Краснопёрова? Совсем скоро из дверей выскочил пацанёнок и дунул по улице, прямо на меня. Мой враг тоже обратил на мальчишку внимание – проводил взглядом и двинулся обратно к ломбарду. Едва щегол скрылся с глаз Туманова, я ухватил его за шкирку и вжал в стену подворотни:

– Что украл?

– Отпусти дяденька, ты чего? – пацан пытался вывернуться и вёл себя бесстрашно, – Посыльный я, ну чего учепился?

– Показывай, что несёшь, а не то в кутузку пристрою!

Приказной тон вкупе с приличной внешностью подействовали, мальчишка, не прекословя более, достал из кармана визитную карточку.

– Во, велено доставить. Отпусти меня, дяденька!

– Что ещё сказали передать? Живо!

– Что ищут их милость, господин с этого адреса.

– Кому?

– Клиенту важному, они ждут. Пусти!

Не врал. Я сунул ему карточку и отпустил ворот – пусть бежит, всё необходимое я уже высмотрел. Теперь я знал гостиницу, в которой остановился Туманов, и его номер.

Выслеживать его дальше я не стал – зачем? И так ясно, где теперь искать. Следовало подготовиться к встрече поосновательней. К гостинице «Европа» я подошёл после полудня, решив понаблюдать за последующими перемещениями Туманова лично. Никита бодро отрапортовал, что ничего такого и так далее, но слушать его я не стал, поручив новое задание – разыскать посыльного мальчишку с ломбарда, и выяснить, кому сегодня он доставил визитную карточку. Сам удобно расположился в уличном кафе, напротив гостиницы, незаметно наблюдая за снующими постояльцами и порядком охраны.

Режим охраны мне не понравился. В том плане, что осуществлялся вполне прилично, и постороннему человеку в гостиницу, а тем более в номера, попасть было практически не реально. Меня это касалось мало, сами понимаете, но присутствие в гостинице большого количества бдительной и вооружённой охраны не радовало: постояльцы были людьми не простыми. Усложняло это захват объекта до неприемлемых рисков, вот что. Придётся подыскивать иное место для

финальной акции, иначе говоря – продолжать вести наблюдение за Тумановым.

Пока я бездельничал за чашкой кофе, примчался Никита, с доброй весточкой. Оказалось, что посыльный мальчишка уволок визитку не кому иному, как Краснопёрову! Это я сразу понял, не по адресу, который мне назвал Никита, а по описанию проживающего там «важного клиента»: не так много народа шляется по Омску в наряде Чёрных гусар. Отлично! События набирают ход быстрее, чем ожидалось, нет сомнений, что встреча Туманова и убийц его родителей состоится в ближайшее время, может даже через считанные часы. Только вот вряд ли гусары сунутся для беседы в эту охраняемую гостиницу, а если Туманов их ждёт, то должен им предоставить более удобный вариант.

Так и получилось. Ближе к вечеру господин *враг* явился на гостиничном крыльце, и не спеша отправился куда-то прогулочным шагом. Был по прежнему в костюмчике, пижон. Я велел своему помощнику держаться подальше, чтобы не засветить всю нашу комбинацию, а сам аккуратно двинулся следом, держась другой стороны улицы, и шагов на сто позади. Через некоторое время заметил ещё одного наблюдателя, следовавшего за Тумановым то пешком, то садившегося в пролётку, катившую вслед за ним. Кто это таков выяснять времени не было, я просто увеличил дистанцию, дабы не мешать друг другу. Таким образом дошагали до городского сада, в ресторане которого Туманов и расположился,

выбрав стол на террасе. Конкурирующий шпион тут же испарился, укатив куда-то на пролётке, а я и Никита с трудом нашли подходящую позицию для наблюдения – городской сад был многолюден, место оказалось слишком известным среди падкой на развлечения публики. Скоро спустились сумерки, а под деревьями и вовсе стемнело, что намного облегчило возможности скрытного наблюдения. Примерно через час с лишним к ресторации подкатил открытый легковой автомобиль, из которого слаженно шагнули на ступени террасы четверо долгожданных лиходеев – Краснопёров со своей компанией. Я даже удивился, неужели прямо тут будут учинять разбирательство? Подумав пару секунд быстро приблизился к автомобилю, и прилепил под рессору мягкую восковую массу, от размятой свечи. Мой манёвр никто не заметил, внимание всех присутствующих и посетителей было привлечено к столику Туманова, у которого уже начался разговор на повышенных тонах. Вникнуть в суть беседы мне не довелось, когда я вернулся на свою позицию все участники разгоравшегося безобразия уже шагали назад, к автомобилю, сопровождая Туманова. Загрузились в авто, шофер крутанул стартер и ландо укатило в темноту вечера.

За то, что компания ушла от наблюдения я не переживал, воск под рессорой прилепил не просто ради забавы – теперь я мог найти этот автомобиль в любое время. Меня гораздо более озаботила, пусть и малая, вероятность того, что гусары шлёпнут своего пленника по дороге и выкинут где-

нибудь: искать потом тело, да отпиливать голову – удовольствие, доложу вам, так себе. Но это я, конечно, нафантазировал. Не такой лопух Туманов, чтобы дать себя укокошить этаким театральным обормотам, и это ещё риторический вопрос, чьи тела придётся разыскивать. Короче говоря, взял я около парка извозчика, и покатил следом (в том смысле, что через каждые пять минут уточнял направление на уехавший автомобиль с помощью рамок, и указывал вознице, куда править). Через полчаса выкатили за город, и тут возница заупрямился, не пожелал дальше обслуживать клиента. Пришлось принять меры лёгкого принуждения, и ещё через полчаса пролётка выкатила на крутой взгорок над Иртышом. Увы, дальше рамки вели меня куда-то в пучину струящихся чёрных вод. Поразмышляв, я пришёл к выводу, что авто покоится на дне – мостов и паромов поблизости не было, перебраться на другой берег за такое время просто не возможно. Кроме всего, я ощутил энергетическое возмущение на этом месте, что однозначно указывало на совсем недавно произошедшее событие, с мощным выплеском эмоций. Выглянула луна, и в серебристом потоке света, на траве, отчётливо стали видны следы колёс автомобиля, обрывавшиеся за прибрежным укосом. Оглядевшись по сторонам и побродив по лужайке я восстановил картину произошедшего: Туманов уложил всех четверых, и без крови, причём с одним приватно беседовал некоторое время – над этим местом до сих пор висели сгустки эмоциональных вихрей. Всё понятно, Крас-

нопёрову досталось больше других и довелось пережить перед смертью неприятные минуты. Делать тут больше было нечего, я ободряюще хлопнул по спине вовсе уж затосковавшего ямщика, и велел отвезти себя обратно в город. Найду Туманова завтра, сегодня день был и без того продуктивный. Оставшееся ночное время решил использовать по максимуму – доехал на извозчике до гостиницы и постучал в номер Клепинова: нечего спать, когда шеф в хлопотах.

Поручик открыл дверь не спрашивая, сонно зевая, прикрыв рот ладошкой.

– А, это вы…

– Мы. Взбодритесь, Флеогонт Францевич, мне нужна ваша ясная память, – я прошёл в апартаменты и устало развалился в кресле.

– Да, я уже… Что вас интересует?

– Кто тот полковник, с которым вы любезно общались на крыльце штаба?

– Иозеф Зайчек, – Клепинов с силой провёл ладонями по лицу, окончательно прогоняя сонливость, – мы знакомы ещё с Уфы, он тогда подполковником был. Я поинтересовался, не встречал ли он Туманова, и где больше вероятность встретить моего старого друга. Так я объяснил свой интерес.

В голове поручика шуршали мысли: «*Специалист же, должен помочь… возможности…*».

– Кем он служит?

– Ранее служил в контрразведке чешского корпуса, сейчас

в штате нашего военного министерства.

– Вот кстати, выясните, где расположен штаб гусар Анненкова. Может понадобиться. Если конкретнее: мне нужен начальник их разведки. Про Туманова больше не интересуйтесь, лишнее. И вообще, поаккуратнее с контрразведкой, она всегда себе на уме.

– Да я, собственно…

– Аккуратнее. Если вдруг что – мы с вами случайные знакомые, не более. Ну, отдыхайте, не буду мешать.

Болван. Разве можно лезть с расспросами к контрразведчику? Им не то что палец, ноготочек к пасти не подноси – по локоть отхватят. Ладно, найдёт мне анненковского особиста, и пусть катится в свой Ёбург, больше пользы тут от него не будет. Я прошёл в свой номер и завалился спать, всё же пришлось изрядно побегать эти сутки.

Отдых требовался бренному телу (вон оно, дрыхнет и похрапывает), а я, как его временный хозяин и существо более высшего порядка, продолжал анализировать информацию. Появились два момента, требовавшие к себе пристального внимания.

Первый – павшие гусары. Исход встречи с Тумановым для них был предсказуем, интересно было другое: как отреагирует Анненков на исчезновение своих верных псов? Я предполагал, что станет *рыть землю*, чтобы найти и покарать виновных в их смерти. Вопросы по теме – а знает ли он о их гибели, и кто тому виновник? Надо будет ему в этом подсо-

бить. Для чего? Для того, что можно использовать его усилия в своих интересах – захватить Туманова живым, а дальше посмотрим.

Второй момент, подкинутый Клепиновым – как распорядится полученной информацией некий Заяц, или Зайчек, пропади он пропадом совсем? Бывших контрразведчиков не бывает, тем более такого калибра. Имел он доступ к информации кто таков Туманов, после событий в Казани? Вспомнит и соотнесёт ли их с появлением его в Омске? Какие меры предпримет? Видите, сколько неясностей после неумной попытки Клепинова внести ясность… Для точного ответа на все вопросы мне нужен этот полковник, точнее его голова, в зоне зрительного контакта, тогда я могу попробовать покопаться в его мыслях. Или нужно знать его точное местонахождение, чтобы послушать разговоры и распоряжения. Но это всё из области желаний – самого полковника сейчас не найти, а оставлять тело Грабыча и искать Зайчека по всему Омску рискованно – так можно остаться и без своего физического убежища: стоит Грабычу в этот момент проснуться и сменить локацию, и я могу его потерять. (*Да, имелись свои тонкости в моём нынешнем положении – за телом Грабыча нужен постоянный контроль, иначе потом придется его заново переподчинять, а это не всякая психика выдержит, может и с катушек съехать, а что мне потом с идиотом делать… Можно было вовсе избавиться от соседства с чужим «Я», но природный Грабыч был мне пока нужен. Много*

нюансов, правда?) За всеми этими размышлениями не заметил, как минул полдень.

Опасность я ощутил не сразу, а по мере нарастания тревожного беспокойства. Сначала появилось неудобство, не оформленное в конкретику, потом засвербило желание покинуть гостиничный номер, и уже в самом финале отчётливо зазвенел звоночек – опасность! Грабыч тоже проявил некое подобие интуиции: вскинулся на кровати, самостоятельно очнувшись от сонного забытья. А и горазд же ты поспать, братец… Давай, уступай место профессионалу.

Быстро вернул себе хозяйские функции организма и без промедления собрал все нужные мне вещи: наган, нож, рамки и трость. До визита незваных гостей оставались считанные мгновения. Я оставил на мятой постели фантомное воплощение спящего тела, а сам скромно встал за тяжёлой портьерой, скрывающей комнату от знойного солнечного света с улицы. Краем глаза посмотрел в щель занавески – на улице ожидаемо толклись два типа, с ухватками полицейских ищеек, не скрывавших пристального интереса к окнам моего номера. В этот момент дверь распахнулась, и комната наполнилась энергичными людьми, с револьверами в руках и азартом на лицах. Ну-с, начали…

Я мысленно подтолкнул под локоть бравого усача, воинственно заскочившего в помещение третьим, и сжал его пальцы, заставив выстрелить в хрустальную люстру под потолком. Под грохот, дым и звон стекла мысленно сконцен-

трировал внимание нападавших на кровати, в противоположном углу комнаты, сам же без суеты вышел из-за портьеры и скользнул в распахнутую дверь. В коридоре мне на встречу метнулся шустрый тип, растопырив руки, которого я совсем не магически ткнул тростью в горло, отчего он присел по стенке, хрипя и задыхаясь. Надвинул ему на лицо котелок, и неслышно открыл дверь противоположного номера, скрывшись из коридора, наполнявшегося криком и суетой.

Номер был пуст, лишь из ванной доносился задорный женский голос, под шум воды напевающий арию Кармен. Я накинул на дверь цепочку и быстро прошёл через комнату к открытому окну, выходящему во внутренний двор. Этаж был первым, поэтому не мудрствуя я перелез через широкий мраморный подоконник, и спрыгнул на цветочную клумбу, потом скрылся в кустах сирени. Через открытое окно успел услышать треск выламываемой двери и женский визг, но это было уже не важно – исчезать в уличной суете я умел не хуже Грабыча.

Итак, я ушёл. Но от кого? У кого и зачем появилась надобность в моём задержании? Шагая на конспиративную квартиру (вот когда пригодился запасной вариант!), пытался прокачать ситуацию. Судя по повадкам и поведению это была некая спецслужба: полиция, точнее теперь – милиция, даже для охранения не привлекалась, значит это сыскной отдел или контрразведка. Ладно, будем менять внешность, и работать дальше. По ходу пьесы всё выяснится.

На квартире была только хозяйка с дитём, девчушкой трёх лет, которой я не забыл прикупить баранку с маком. Пока она усердно грызла угощение, я занялся внешностью, попросив её мамашу найти мне подходящую по размеру одежду. Вышло удачно: хозяин Степан, рабочий депо, был схожей комплекции, так что пришлось всего-навсего обменяться с ним гардеробом. Ну и сбрить растительность, отпущенную за время путешествия: бородку и усики. После перевоплощения я стал выглядеть толковым мастеровым, которому не зазорно появляться в центре города. Этого было достаточно. Натянув картуз и вооружившись привычным образом, я отправился обратно в город – сегодняшний день обещал быть щедрым на события.

Никиту брать в помощники в этот раз не стал, не хватало ещё подвести местных нелегалов под монастырь – и без того косо смотрят на «товарища из Центра». Сам справлюсь.

Облюбовал себе местечко в кабаке, неподалёку от гостиницы, где обитал Туманов, и стал ждать его появления. Ждать пришлось долго, и уже ближе к вечеру я предположил, что Туманов может из гостиницы и не выйти – там прекрасный ресторан, зачем ему куда-то выходить? К этому времени я вычислил, как минимум, двух соглядатаев наружки, вертевшихся рядом с гостиницей. Если такое наблюдение велось и вчера, да ещё не только тут, но и за рестораном городского парка, то меня могли банально выследить – я не отвлекался на такие мелочи (и был не прав, признаю). А в скором

времени произошли события, в которых волей-неволей пришлось принять деятельное участие.

Началось всё довольно неожиданно: в какой-то момент на крыльце гостиницы оказался незнакомый человек в цивильном костюме, и махнул рукой с тростью. В тот же миг к нему подкатил санитарный автомобиль, из которого выскочили три одетые в белые халаты фигуры с носилками, и скрылись в дверях. Меня это насторожило, и я вышел на улицу. Краем глаза увидел, как одного из шпиков, стоявшего в стороне и наблюдавшего за приехавшим автомобилем, ударил по голове подкравшийся сзади человек, в неприметной одежде, и быстро утащил обмякшее тело в кусты. Это было уже прямым сигналом к действию, и я решительно направился к дверям гостиницы, решив быть поближе к эпицентру событий. Подоспел в самое время – на крыльце показались санитары с носилками, на которых лежала знакомая фигура в сером костюме – Туманов! Двери авто распахнулись, и ещё одна пара рук изнутри ловко помогла втянуть носилки. С крыльца сбежала молодая женщина, севшая в автомобиль вместе с санитарами, и авто чихнув выхлопом, тронулся с места, быстро набирая скорость вдоль по улице. Наперерез ему выскочил второй шпик, пытавшийся остановить движение, но его просто сбили бампером, и автомобиль, рыча мотором, свернул в ближайший переулок.

Всё произошло настолько ловко и слажено, что если бы не сбитый филёр, то никакой суеты бы и не было. Но теперь

к лежавшему телу со всех сторон стали приближаться любопытные, и скоро поблизости раздался свисток патруля. В это время я заметил того самого господина, что махал тростью и подавал знак санитарам. Он появился в дверях, спокойно спустился по ступеням с крыльца, быстро и уверенно зашагав прочь. Я двинулся следом, оценивая обстановку – за нами шёл ещё один, скорее всего тот, который бил по голове первого шпика. Господин с тросточкой свернул на тенистую аллею, где я не стал больше тянуть: обездвижил его (мысленно набросил «*терновый Венец*», надавив на череп и парализуя волю). И очень вовремя – он довольно шустро вытащил и уже направил в мою сторону револьвер. Догнавшему нас сопровождающему я взглядом кинул «*петлю Иуды*» (пережал трахею), заставив судорожно хрипеть и пускать пузыри, медленно опускаясь на колени. Больше на аллее никого не было, к всеобщему везению, и я переключился на господина с тростью. Забрав у него из руки револьвер, задал пару вопросов, на которые он ответил очень быстро и с охотой. Получив интересующую информацию обоим остановил сердце (не из вредности, а из практичности – эти двое могли запомнить мой новый облик, а кроме того, от каждой выпущенной на волю души я забирал часть её жизненной энергии, и мне это было совсем не лишним). Потом я направился в сторону Всесвятской, к зданию контрразведки чешского корпуса.

Да, именно туда увезли Туманова, а вовсе не в госпиталь, как я было предположил. Вся эта акция была делом рук че-

хов, вы уже поняли, и прямым следствием бездарных оперативных талантов Клепинова (не зря я переживал по этому поводу). Шагая в уже сгустившейся темноте вечера размышлял, каким образом можно использовать сложившуюся ситуацию – ждать естественного развития событий, или помочь Туманову выбраться из капкана? Чехи взяли его не просто так, а явно из-за золота, и в этом случае являлись мне прямыми конкурентами: выдрать Туманова из лап Зайчека (хе-хе) будет крайне не просто. Значит надо подсобить ему, чем можно, уверен, что он и сам постарается не задерживаться в гостях. Подойдя к двухэтажному зданию из красного кирпича, на углу Восточной и Лермонтовской, сразу увидел отъезжающее от крыльца знакомое авто с красным крестом, и стал наблюдать из кустов за происходящим.

У входа нёс службу караульный, с винтовкой со штыком. Никакого ажиотажа, посетителей или просто служащих – здание словно замерло. Но эта кажущееся спокойствие было обманчивым, на втором этаже тускло светились зарешёченные окна, иногда мелькали тени.

Через некоторое время из дверей учреждения вышли на улицу двое в штатском, один с пышными усами и трубкой в зубах, а второй был очень похож на одного из санитаров, грузивших Туманова в автомобиль. Не спеша задымили, и двинулись к ближайшим кустам за углом, где было оборудовано место для курения – скамейка с урной. Я не стал подслушивать их болтовню (это не прилично), а подошёл к ним

с папиросой в руке.

– Одолжите огоньку, господа хорошие?.. – весело улыбнулся им, и когда они подняли головы ткнул санитара пальцем под кадык, от чего тот опрокинулся в кусты.

Усача ухватил за затылок и пару раз приложил носом об колено, надавив сильнее и гася сопротивление. Затем сел рядом на скамейку и продолжил беседу, приобняв его за шею и поигрывая пальцами на сонной артерии. От боли усач больше шипел в окровавленные усы и незамысловато ругался, через слово вставляя «*Kurva!*» или «*Cubka!*», но выложил то, что меня интересовало: Туманов был внутри здания, пришёл в себя, и его допрашивают. Уже хорошая весть, хоть какая-то определённость. Когда он выдал, что народа там не много, человек шесть на всё здание, я и вовсе перестал переживать: с этой гвардией Туманов справится и без моей помощи.

С обоими курильщиками пришлось повозиться – тела оттащил в сторону, и свалил в мусорную яму, оказавшуюся неподалёку. Сам же так и просидел на скамейке, до тех пор, пока, уже ночью, Туманов не вышел из здания, держа в руках какую-то папку, и через квартал его подобрали некие шустрые люди, окликнув по имени отчеству и усадив в пролётку.

Ну вот, теперь можно смело подключать нехороших людей Анненкова.

Старый знакомый

(Туманов. 19-20 июня 1919г.)

Едва миновал перекрёсток Лермонтовской с Всесвятской, как из темноты, со стороны ближайших кустов его негромко окликнули:

– Сергей Аркадьевич… господин капитан!

На брусчатку улицы из темноты, не приближаясь, осторожно шагнула фигура в штатском.

– Это я, агент Рулёв. Вы в порядке?

– Как видите, Рулёв. Что же, вы один? Где ваш спутник?

Рулёв приблизился, и убедившись, что Туманов действительно цел и невредим, указал чуть в сторону по улице.

– Пожалуйте туда, мы вас со вчерашнего вечера ищем, всем отделом. Едемте к начальству, ваше высокоблагородие. И поспешим, как бы худого не вышло.

В указанном направлении оказалась крытая пролётка, на козлах которой также восседал один из агентов, франтовато одетый в троичный костюм. Под цоканье подков резво покатили по ночным улицам Омска.

В кабинете начальника областного управления государственной охраны МВД было людно. Кроме хозяина кабине-

та, полковника Руссиянова, там находились ещё трое – полковник Львов, подполковник Кастрицын и неизвестный ротмистр, который был позже представлен, как заведующий наружным наблюдением управления Тимофеев. Между тем часы показывали третий час ночи. Появление Туманова встретили не скрывая радости и облегчения:

– Наконец-то, господин капитан, – полковник Львов искренне пожал ему руку, – шестой час управление на ногах, ищем вас.

– Полковник Руссиянов, – пожал руку начальник управления, – Не скрою, господин капитан, ещё полчаса и пришлось бы штурмовать чешскую контрразведку, уже отряд милиции особого назначения привели в готовность. Вы очень вовремя появились, не известно, чем бы это закончилось… Рассказывайте.

Туманов кратко и по существу рассказал о всём происшедшим с ним, с момента посещения ресторации. Умолчал лишь о своих выводах относительно интереса чехов к его персоне. Трофейную папку положил на стол, находившийся в ней документ внимательно прочитали оба начальника.

– Мда… Этот рапорт нас не касается, он может заинтересовать его превосходительство генерал-майора Бабушкина, а с ним, насколько мне известно, все вопросы урегулированы. – Руссиянов закрыл папку и задумчиво забарабанил пальцами по ней, – Стало быть, оставили там три трупа? Ну и чёрт с ними, их при штурме могло быть и больше. Будут

знать, как совать свой любопытный нос в наши дела. Тем паче, что они действовали неофициально, на свой страх и риск.

– Может сделаем так, Виктор Николаевич: покажем, что мы обеспокоены исчезновением капитана, ищем и его, и самих похитителей, на которых в этой связи уже заведено уголовное дело? – предложил Львов.

– Толково. А что по ущербу с нашей стороны?

– Есть неудачи, потерь нет, господин полковник. – продолжил Кастрицын, – Не удалось задержать наблюдающего за господином Тумановым, ему удалось уйти от группы захвата. Но по его связям работаем. К чехам отношения он не имеет.

– Разрешите? – встал из-за стола Тимофеев.

– Слушаю вас, господин ротмистр.

– С нашей стороны пострадал филёр Спиридонов и старший агент -наблюдатель Сурин. Первого ударили по голове кастетом неизвестные, когда он вёл наблюдение за рестораном, сейчас он в госпитале, с сотрясением. Второй получил ранение, когда пытался остановить медицинский автомобиль, увозивший капитана из ресторана, также госпитализирован с переломами руки и ноги.

– Оформляйте дело, приобщите к нему все рапорта. Кстати, что там с этой дамой? – Руссиянов повернулся к Туманову, – Вы не были с ней знакомы до этого?

– Первый раз видел, господин подполковник.

– Дама исчезла сразу же, как только появился автомобиль

с медиками, то есть почти через пару минут после того, как капитан упал. По нашим картотекам не значится, опознать не удалось. – Львов виновато развёл руками.

– Пусть наша контрразведка ей занимается. Но до чего ловко её подвели, а? – Руссиянов уважительно качнул головой, – Говорите, веером она вас?

– По словам майора: да. Слегка ударила по рукаву, в самом начале разговора. – Туманов даже сконфузился, что дал себя так провести.

– Ну, этого предусмотреть было сложно, такие выкрутасы в нашей глуши редкость. Скорее всего некий газ или капельный яд, германская школа. – подполковник понимающе кивнул. – С вами как быть, Сергей Аркадьевич? Придётся спрятать вас на время, пока не утихнет разбирательство с чехами. Для всех будет меньше хлопот. Вы своему начальству доложились?

– Никак нет, ваше высокоблагородие. Не успел.

– Думаю, что утром тому будет самое время.

Генерал-майор Одноглазков с утра был не в духе. Вчера вечером ему доложили об исчезновении Туманова, попечительство над которым, после инцидента, неофициально взяло на себя областное управление государственной охраны. Начальник управления, полковник Руссиянов, заверил в достаточности всех принимаемых для розыска мер, и судя по тому, что ночью генерала не беспокоили, эти меры были дей-

ственными и результативными. Но утро, всё равно, не принесло ожидаемого спокойствия: доклад самого Туманова не оставил тому никаких оснований.

– Вы, господин капитан, превратно истолковали моё распоряжение об отдыхе. – сварливо начал Одноглазков, – Помилуйте, семь трупов за какие-то сутки это перебор.

Он махнул ладонью на попытку Туманова объясниться.

– Оставьте, капитан, не оправдывайтесь. Четверых гусар Анненкова я уже списал, зная ваши нездоровые привычки. Очень надеюсь, что их не обнаружат, в противном случае воспоследствуют разного рода эксцессы. И с контрразведкой чехов вы тоже удружили, не было печали, как говорится.

Тут Одноглазков оставил эмоции и перешёл на профессиональные суждения:

– Ладно, пока оставим это. Меня интересует иное – каким образом полковник Зайчек узнал о вашем нахождении в Омске? У вас есть ответ на этот вопрос?

– Не могу знать, ваше превосходительство. – Туманов к начальству явился в своей старой форме, но с новыми погонами. – О моём прибытии было известно только в штабе и вам.

– Не факт, Туманов. Вы забыли про Министерство внутренних дел, которое сами вынудили вами заинтересоваться. А там любая информация долго не держится к сожалению, течёт во все стороны. Что-ж, придётся ещё раз обратиться к начальнику контрразведки армии, это однозначно касается

его ведомства. – Одноглазков снял трубку телефонного аппарата, и подумав немного произнёс: – Соедините меня с его превосходительством генерал-майором Бабушкиным.

Начальник контрразведки армии встретил Туманова не один. В его обширном кабинете присутствовали начальник Центрального отделения военной контрразведки подполковник Караулов, и ротмистр Колодезников, офицер для поручений того же ведомства. Было видно, что офицеры в целом в курсе событий, но слушали Туманова внимательно: как-никак первоисточник. Не перебивали, вопросов не задавали, одно слово – профессионалы. Лишь после окончания его доклада (рассказом это повествование в таком кабинете не назовёшь), слово взял генерал-майор Бабушкин.

– Подведём итоги, господа. Интерес нашей службы вызывает, в первую очередь, активность чешских коллег. Всё остальное интересует опосредованно. Итак, первое: о вашем прибытии, господин капитан, было известно в штабе походного атамана и в Министерстве внутренних дел. Второе: полковник Зайчек получил информацию о вас в каком-то из этих ведомств, больше неоткуда. Третье: вы числитесь пропавшим, как у нас, так и у чехов. Теперь о частностях. В статусе пропавшего вам придётся пребывать до особого распоряжения, уж не обессудьте. Ваши вещи из гостиницы доставят сюда, разместитесь в служебном помещении. Пока же окажите любезность ротмистру в составлении описания вашей роковой дамы, он займётся её поиском. – генерал обра-

тился к тут же вскочившему ротмистру:

– Николай Викторович, просмотрите все картотеки, скорее всего пани должна в них быть. Работайте по этому направлению. Желательно опознать, найти и допросить.

– Слушаюсь, ваше превосходительство.

– Александр Владимирович, – Бабушкин поднял подполковника взглядом, – займитесь автомашиной. Направление поиска вам известно, но сразу на след не вставайте, обоснуйте выход на него тем, что покалеченный, как его… Сурин?.. Да-с, что он слышал из автомобиля крики на чешском языке. Озаботьтесь соответствующими показаниями и предъявите это чехам, поглядим на их реакцию. Поручите это Яковлеву, я передаю его в ваше распоряжение. Сами поработайте по Министерству. Учтите, что неприязнь между Зайчеком и Руссияновым общеизвестна, первый мог на этом сыграть.

Подполковник щёлкнул каблуками, и обратился к генералу:

– Разрешите доложить, Василий Александрович? – и получив одобрительный наклон головы продолжил, – Получена информация, что неизвестный, наблюдавший за капитаном Тумановым, остановился в гостинице «Россия» под именем Сазонова Вениамина Карловича. Вчера днём, при попытке его задержать силами особого отдела Департамента милиции, сумел скрыться. Его розыском занимается уголовная милиция. Нам подключиться?

– Не будем толкаться локтями, пусть ищут сами, их лю-

ди пострадали и недоработка тоже их. – Бабушкин закрыл лежащую перед ним на столе папку, давая понять, что совещание закончено, – И ещё: вечером усильте охрану нашего расположения.

День прошёл за скучным занятием – переезд на новую квартиру (в смысле смены гостиничного номера на комнату для дежурных и прикомандированных офицеров в Управлении, куда доставили вещи Туманова), и просмотр картотеки с ротмистром Колодезниковым. Десятки фотокарточек и описаний внешности были изучены, и отложены в сторону без результата. Зато вечер не обошёлся без сюрпризов. Подполковник Караулов заглянул к Туманову в гости, и без обиняков поинтересовался:

– Вам знаком некий Клепинов?

– Так точно, господин подполковник. Встречались. При разных обстоятельствах.

– Бог с ними, с обстоятельствами. Похоже, нашлась интересующая нас утечка. Будьте у себя, я к его превосходительству.

Доклад Караулова генерал-майор слушал заинтересованно. Подполковник старался излагать кратко:

– В ходе отработки версии по утечке информации из стен МВД, на нас вышел подпоручик Борисов, прикомандированный к министерству, и ранее состоявший в должности начальника контрразведывательного отделения штаба Тюмен-

ского округа. По полученным от него сведениям установлено, что 15-го числа сего месяца, его сослуживец по округу, поручик Клепинов, при случайной встрече попросил о содействии в розыске штабс-капитана Туманова. Никакой информации Борисов ему, конечно, не передавал, и о Туманове в МВД также не интересовался. – тут Караулов извлёк из папки бумагу и протянул Бабушкину, – Проверкой установлено, что поручик Клепинов является личным адъютантом главного начальника Тюменского военного округа, генерал-лейтенанта Рычкова, и прибыл в Омск по служебным вопросам снабжения армии того же числа, то есть 15-го июня.

– Его опросили?

– Так точно. Вот протокол опроса. С его слов, интерес к Туманову он проявлял в связи со знакомством с последним при участии во взятии Казани, летом прошлого года. Интересовался судьбой соратника.

– Хм. Какого чёрта этот поручик торчит в Омске пятые сутки?

– Ждёт документы по линии снабжения, для доставки генералу Рычкову.

– Круг его знакомств в Омске установили?

– Так точно, Василий Александрович. И тут самое интересное: Клепинов дважды общался во внеслужебное время с полковником Иозефом Зайчеком. Объяснил общение старым знакомством, пересекались по службе в Уфе

– Дальше можете не продолжать. В ходе общения с Зайче-

ком Клепинов упомянул про Туманова, так? А старый волк Зайчек сопоставил известные ему факты в одно целое. Ясно. Выпишите ему сопроводительное и выпроводите завтра утром к месту службы, нечего просиживать штаны в тылу.

– Слушаюсь.

– Что с машиной и девкой?

– Машина обнаружена. Спрятана в гараже Командующего французскими войсками Жанена. Девица по нашим картотекам не числится. Ищем.

– Чехам предъявили претензии?

– Так точно. Отнекиваются, говорят первый раз слышат. Но глаза злые, – улыбнулся Караулов.

– Ничего, умнее будут. Главное, что в наших ведомствах утечек не установлено.

Информация о появлении в Омске Клепинова и его интересе к собственной персоне Туманов воспринял спокойно. Он и не рассчитывал на то, что миссия с обозом осталась в прошлом, вот и доказательство – объявились старые знакомые. Поразмышляв пришёл к выводу, что Клепинов оказался тут не сам по себе (при последней встрече ему недвусмысленно было обещано беспощадное наказание). Он всего лишь исполнитель, стало быть где-то рядом и его начальство, причём не нынешнее, официальное, а оттуда, из прошлого. Шляхтич мог выжить (теперь Туманов это допускал), а значит мог вместе с Макаровым преследовать обоз до самой

развязки. Какой именно развязки – было не известно. Ложный обоз пропал, вместе с Филатовым, Поздеевым и Малютиным. Вероятнее всего, что они погибли, иначе хоть один да вернулся бы к отряду. Живы ли Макаров и Шляхтич – он не знал. Да, преследовать обоз они перестали, но это не говорит о их гибели. А вот появление тут Клепинова может свидетельствовать о том, что Шляхтич уцелел и продолжает своё дело. Значит так и следует относиться к этой новости: ничего не закончилось, при случае рубить хвосты придётся как и прежде, по самые уши.

В полдень следующего дня Туманов был в кабинете Одноглазкова. Генерал-майор вызвал его нарочным, и беседа состояла в основном из монолога, коим начальник штаба выказывал свои нервозность и раздражение.

– Удивительно, но за последние часы вы никого не убили, и даже не покалечили. Право, в этой связи начинаю даже испытывать слабую надежду на ваше соответствие уровню офицера генерального штаба. – Одноглазков сидел за своим столом, откинувшись на спинку кресла и упираясь рукой о край столешницы, – Вы, Сергей Аркадьевич, должны помнить, что состоите в должности, которая делает вас секретоносителем, исходя из чего извольте подбирать соответствующий круг своего общения и манеры поведения. Вам известно, что в Омске одномоментно действуют восемь контрразведок, различной подчинённости? Да-с, с учётом союзнических, и разного рода самостийных атаманских спецслужб,

это так. И каждая из них имеет сеть своих агентов и осведомителей. В немалой степени именно поэтому ваше инкогнито было раскрыто на вторые сутки, и вы лишь благодаря своим незаурядным качествам вышли сухим из воды.

Генерал встал из-за стола и не спеша стал вышагивать по кабинету, бросив вскочившему тут-же Туманову: «Сидите». Сделав несколько проходов по паркету он остановился у окна и резко повернулся к Туманову.

– А вот вашим оппонентам из воды довелось всплыть в качестве утопленников! Утром сего дня их выловили из Иртыша, у причала лесничества. Уголовная милиция тела опознала и передала по принадлежности, этим Чёрным гусарам атамана Анненкова. Контрразведка которого, кстати, уже вас усердно разыскивает. Вместе с чешской, французской и английской!

Одноглазков дёрнул в сторону подбородком, помолчал и заново сел в кресло за столом, несколько успокоившись.

– Полковник Львов мне доложил, что ваше причастие к их утоплению или гибели недоказуемо, а значит и не имело место быть. Говоря иначе, уголовная милиция к вам претензий не имеет. Между прочим, по словам полковника – благодаря вашей аккуратности, господин капитан: ваша одежда, в которой вы были в тот вечер, безукоризненно чиста, и не имела никаких следов, похожих на улики. Мои комплименты. Но автомобиль утопших найден, при вскрытии тел неизбежно обнаружат характерные повреждения, и в случае ва-

шей встречи с заинтересованными в этом лицами, вопросы причастности даже подниматься не будут, им и так всё ясно. – генерал побарабанил пальцами по подлокотнику кресла и неожиданно спросил: – Вы свои дела в Омске устроили?

– Так точно, ваше превосходительство.

Одноглазков открыл секретер, вытащил запечатанный конверт, чистый лист бумаги, и обмакнув английское перо в чернильницу заскрипел скорописью. В конце листа поставил свою подпись, виртуозно выписав замысловатый автограф, промокнул, вложил бумагу и конверт в плотный пакет, который скрепил собственной печатью. Пакет вручил Туманову.

– Господин капитан, – Туманов вскочил, приняв уставную стойку, – вам надлежит доставить пакет с донесением генерал-лейтенанту Дутову, лично в руки. Гриф документа: «Особой важности». В течении дня получите сопроводительные документы, инструкции относительно связи. Завтра утром вас доставят на станцию, к эшелону. Сейчас Александр Ильич в Чите, вам надлежит следовать во Владивосток или Хабаровск, место встречи с ним скоординируете по пути следования. Вопросы?

– Никак нет, ваше превосходительство!

– Исполняйте.

Временный союзник

(Шляхтич. 19- 20 июня 1919г.)

Клепинова я навестил рано утром, перехватив его по пути к военному министерству. Его сильно озадачил мой новый типаж, и он первым делом заговорил о вчерашнем казусе в гостинице.

– Почему вас пришли арестовывать? – он нервно оглянулся, осмотрев улицу, – И как вам удалось скрыться?

– Понятия не имею кому я понадобился, дражайший Флеогонт Фирсович. А ушёл я чисто, смею заверить, можете не переживать, но быть в готовности извольте – мне кажется, что сегодня-завтра вам зададут вопросы относительно нашего знакомства. Вы уж не забудьте, что мы не знакомы.

– Да-да, само собой… Случайные встречи, я помню.

– Верю. Чем обрадуете относительно разведки Анненкова?

– В конце Тобольской улицы, крайнее строение справа. Там находится нечто вроде штаба частей Анненкова, расположенных в Омске. Но их тут крайне мало, сам атаман где-то под Семипалатинском, так что не уверен, будет ли польза от этой информации…

– Благодарю, разберусь на месте. Уверенность нельзя терять ни при каких обстоятельствах, Флеогонт Фирсович. Если обстоятельства не позволят нам более встретиться: меня не ищите, возвращайтесь к своему генералу, я вас сам разыщу. Прощайте.

На том и расстались, не привлекая к себе внимания. Мне показалось, что Клепинов был рад предположению окончания сотрудничества. Боится он Туманова, что ли? Что тогда может значить его мысленное «*Слава Богу…*»?

Улица Тобольская выходила от центра к самому пригороду, дальше которого были уже дачные постройки. Крайнее строение справа оказалось довольно вместительным одноэтажным домом, под четырехскатной крышей из выкрашенной суриком жести. Около дома была оборудована коновязь, возле которой понуро стояли четыре оседланные лошади. На входе в дом беспечно стоял охранник в подогнанной по фигуре форме, и с кавалерийским карабином за спиной. К нему я и направился.

– Здорово бывал, служивый. Мне нужно начальство.

– Кто таков будешь? Зачем тебе начальство? – боец, казалось, обрадовался возможности проявить себя.

– Не твоего ума дело. Проводи.

Тут слабину давать не стоило, поэтому я сразу надавил на не великий разум. Прошёл вслед за караульным в помещение. В узкий и тёмный коридор выходили четыре двери от разных комнат. Через одну из них доносились громкие

голоса, эмоционально обсуждавшие какую-то проблему. В неё и указал караульный, почтительно козырнув. Я без стука толкнул дверь и оказался в прокуренной донельзя комнате, с круглым столом по центру, вокруг которого стояли пятеро: полковник, сотник, два хорунжих и подхорунжий. Все одеты словно на парад, в чёрные гимнастёрки с аж тремя угольниками на рукавах, с чёрными погонами и кучей серебряного шитья, где только было можно. Про чёрные фуражки с черепами я уже молчу. Враз наступившая при моём появлении пауза, выявила ответчика и истцов, так сказать – подхорунжий явно был в ответе, а остальные напористо требовали от него каких-то объяснений. На меня все пятеро посмотрели с явным неудовольствием: помешал…

– Тебе чего? – невежливо осведомился сотник, с короткой стрижкой и тонкими усиками.

Я быстро считал пену эмоций и мысленных образов, кишащих над головами присутствующих: «*главные добытчики… исчезли… где искать… атаман головы снимет… Жумарин, паразит, какого чёрта посторонние тут делают*?».

– Я к вам, господа. С важным сообщением.

– Ты кто такой? – один из хорунжих, рослый и мощный, угрожающе двинулся в мою сторону.

Агрессию нужно подавлять сразу, поэтому я мысленно ткнул его в солнечное сплетение и опрокинул на стоящий позади стул, куда он плюхнулся с глупым недоумением на лице. Полковнику послал ободряющую мыслеформу: «*Ты самый*

главный, командуй».

– Погоди, Ганаго, узнай сперва, что за сообщение, – полковник проявил подобие любопытства, и кивнул мне требовательно: – Говори.

– Думаю, что могу помочь вам в том вопросе, который вы тут обсуждаете.

Все пятеро быстро переглянулись между собой. Сотник, очевидно отличавшийся более живым соображением, дёрнул подбородком в мою сторону:

– Ну?

– Представлюсь: Дрёмин Павел Спиридонович. Занимаюсь частным розыском. Прошу не обращать внимания на мой внешний вид, это в интересах дела…

– Ты ближе к теме давай, фендрик! – грубо рявкнул второй хорунжий, демонстративно теребя рукоять кинжала на кавказском поясе.

– Шульгин! – окрикнул полковник грубияна, – Ну-ну, продолжайте.

– Приватным образом занимаюсь расследованием одного дела, по поручению моего клиента. – я спокойно прошёл к столу, заняв место среди собравшихся, – И волей случая стал свидетелем трагического события, в котором участвовали, судя по всему, ваши соратники или сослуживцы.

– Не юли, – вредный Шульгин не желал никак угомониться, – нам и без тебя известно про это событие!

– Сидор! – в этот раз среагировал сотник, – заткнись, про-

шу тебя. Продолжайте.

Умение перевести любой разговор в деловое русло настоящее искусство, которым я, в принципе, владею. Но сейчас тратить время и красноречие на обуздание бурлящего подозрения и недоверия не было желания, поэтому я прибегнул к более простой методе – накинул на всех собравшихся «*Полог Единства*»: мыслеформу сотрудничества и общей заинтересованности.

– Господа, чтобы перейти к сути, прошу сообщить, что вам самим известно о случившемся?

– Известно то же, что и всем, – полковник предсказуемо взял на себя инициативу, – наши браты поехали на встречу с каким-то человеком, потом вместе с ним уехали из ресторана в неизвестном направлении, после чего пропали. Вместе с автомобилем.

«*Побольше откровенности, полковник!*» – я подбодрил говорившего.

– Разве вы не знаете на встречу с кем они поехали? – я изобразил недоверчивое удивление.

– Да вон, Гудянов никак не может вспомнить, – полковник кивнул на подхорунжего, – Ты же для того и поставлен тут, подхорунжий, чтобы быть в курсе: кто да где находится!

– Как же, уследишь за ими, господин полковник, – Гудянов понуро опустил голову, – оне мне не отчитываются, вы же знаете – атамановы люди, у них свои задачи…

Какие у них задачи я спрашивать не стал, невысказан-

ный ответ и без того светился над макушкой подхорунжего: «*Казну пополняют браты, как и где интересоваться не велено…*».

– Ваши соратники, господа, ездили на встречу с человеком хорошо мне известным. Более того, мне удалось восстановить результат их общения, оказавшийся весьма печальным. – я скорбно покивал головой.

– С кем? Кто он? Что с ними? – вразнобой раздалось вокруг стола.

– Встречались они с неким господином Тумановым. Капитаном, при штабе походного атамана всех казачьих войск и генерал-инспектора кавалерии, генерал-лейтенанта Дутова.

– Он же в штатском был! – угрюмо сказал Ганаго, так и оставшийся сидеть на стуле.

– Да, встречались частным образом, вне службы, поэтому он был не в форме. Но это мелочи, господа. Гораздо важнее то, что все ваши, гм… братья мертвы.

Тишина висела недолго, не дольше детского мыльного пузыря.

– А тебе откуда это известно? – недобро прищурил глаза сотник, перескакивая на «ты», – ты что там, свечу держал?

– Я сыщик, уже говорил, кажется. – я втянул в себя соображения сотника, заскрипевшие у него под черепом: «*Мутный тип… надо с ним разобраться… установить, кто таков…*». Контрразведка, ясно с ним, даже под «*Пологом Единства*» сомневается, – К вам я обращаюсь по той причине, что

господин Туманов мне нужен самому, но достать его сейчас не в моих возможностях. Давайте сотрудничать.

Сотрудничество наладилось не сразу, пришлось ещё несколько раз продавливать свои идеи буквально внутрь дубовых черепов вояк. Но справился. Я обещал им показать предполагаемое место гибели их сослуживцев и помочь в поиске тел, они, со своей стороны, обещались помочь в захвате Туманова. Но самым главным условием, которое они сходу не принимали, было доверить мне лично допрос и умерщвление Туманова. Над этим и проспорили большую часть времени, и наконец согласились – им, в принципе, всё равно, а мне для пользы дела. Главное, чтобы помучился подольше и на глазах у всех. Ну, это мы умеем…

Сотник Васильев оказался расторопным парнем: к середине дня уже организовал пару подвод, длинные веревки с крюками и пару сотен метров рыбацкого невода. Всю эту дрянь доставили на береговой взгорок Иртыша, где я ранее обнаружил следы пропавшего автомобиля. Невод косо растянули от стремнины к берегу, в полверсты ниже по течению, около пристани Лесничества, и до позднего вечера обвязанные веревками казаки ныряли в холодную воду, пытаясь нащупать корпус автомобиля. Наконец уже почти в сумерках удача улыбнулась:

– Есть! Тута! – хрипло выкрикнул один из ныряльщиков, отплёвываясь и утирая рот. – Зачепил, тяперя тянитя…

Толстые веревки враз привязали к паре битюгов, и те лег-

ко вытянули к кромке воды передок перевёрнутого вверх колёсами «Руссо-Балта». На сам берег авто вытащили не сразу: едва показался кузов, как обнаружили одно тело – на месте шофёра, зацепившееся сапогом за рулевое колесо и лишь поэтому не смытого течением. Остальные тела чуть позже попались в невод, упруго прогнувшийся под тяжестью раздувшегося, от естественных причин, улова.

Ну вот, свою часть обязательств я исполнил, даже сверх того, помог ночью, при фонарях, провести беглый осмотр трупов: желающих копаться в раздувшихся, синюшных телах не нашлось, а мне нужно было убедиться, что это действительно дело рук моего визави. Убедился быстро: два проломленных у виска черепа, и две свёрнутые башки, болтающиеся словно на верёвках вместо шеи. Знакомый почерк. Сотник Васильев, отвечавший за разведку и контрразведку, связался с уголовным сыском, следователь которого прибыл лишь к утру следующего дня, и осмотрев трупы уехал, составив протокол. Бумажная душонка…

Полковник Сергеев, смотревший теперь на меня более уважительно, чем ранее, поинтересовался на предмет уточнения: знаю ли я, где сейчас Туманов? По моей подсказке нацелились на штаб Дутова и контрразведку армии, и подняв всех своих осведомителей выяснили – Туманов внутри расположения этих ведомств, под надёжной охраной. Сотник сгоряча предложил захватить его с налёта, напав на штаб силами небольшого отряда. Полковник проявил больше бла-

горазумия и полюбопытствовал – а нет ли каких идей на этот счёт у меня. А как им не быть?

Чтобы просчитать действия своего противника – большого ума не нужно. Поставь себя на его место, и думай. Так вот, на месте Туманова я бы сейчас постарался покинуть город. Почему? Да потому, что искать его начнут очень много огорчённых им людей, и все с желанием поквитаться: чехи, у которых аж семеро погибших, и гусары Анненкова, жаждущие отомстить за своих четверых собратьев. Те и другие обладают колоссальным ресурсом для того, чтобы отыскать Туманова в городе, где бы он ни прятался. А зачем ему жить прячась? У него, между прочим, есть задача, которую он пока не выполнил – доложить лично Дутову о результатах своей миссии, иначе говоря доложить ему, где спрятан обоз. Этого он не может рассказать никому, кроме атамана (и очень хорошо, что не может). И самое важное – пока никому не рассказал, это я знал точно, распространение такой информации я сразу зафиксирую. Стало быть, лучше всего ему сейчас двинуться дальше на восток, к своему шефу, который хороводился, по последним данным, где-то в районе Владивостока. Вот от этого и нужно плясать.

Я поделился своими соображениями с Сергеевым, который тут же принялся распоряжаться. Во-первых, сотнику Васильеву поручил раздобыть и размножить фотографию Туманова, для опознания. Во-вторых, поставил наблюдателей у штаба и министерства, с приказом отслеживать все закры-

тые автомобили и сопровождать их до пунктов назначения. В-третьих, выставил посты наблюдения на железнодорожной станции и в речном порту, с приказом проверять все поезда и судна, уходящие в восточном направлении. И последнее – привел в готовность взвод китайских хунхузов, состоявших на службе в дивизии Анненкова. После чего, уже к вечеру, полковник убыл на доклад к самому Анненкову. И меня с собой прихватил.

Присутствие Анненкова в Омске стало для меня неожиданностью: по информации Клепинова он должен был находиться в районе Семипалатинска. Оказалось, виной всему случай. Атаман прибыл в Омск решать небольшую проблему: за отказ выполнять распоряжение командования о переброске его дивизии на Западный фронт, был издан приказ не давать вооружение частям атамана, до их перехода на Западный театр военных действий. Но жить как-то было нужно, поэтому, после предварительного зондирования настроений Верховного Правителя, Анненков явился в Омск, в сопровождении верного конвоя и взвода китайцев, договариваться об условиях своей почётной капитуляции, так сказать. А заодно и пополнить казну, взнос в которую и должен был внести Краснопёров, исполнявший в городе и уезде именно эту функцию – изъятие денег и ценностей для атамана, где только было возможно. В общем, удружил Туманов атаману, нечего сказать: Краснопёрова нет, где накопленный им взнос в казну никто не знает, атаман рвёт и мечет: впустую прока-

тился, за свой кошт.

Ехали к Анненкову тем же составом: Сергеев, Васильев, Ганаго и Шульгин, и ваш покорный слуга. Добирались верхом, выловленный из воды «Руссо-Балт» требовал починки, а второе авто было в распоряжении атамана. Анненков расположился в Атаманской станице, в районе Железнодорожной станции. Пришлось ехать через весь город, и наконец мы пропылили по Атамановскому переулку, где остановились около большого кирпичного дома, о двух этажах. Охраны было много, перед домом на улице торчали два китайца, у крыльца ещё пара, и во дворе, под навесом, человек пять, в полной боевой. Там же, у навеса, стоял новенький двухместный Форд Родстер. К атаману прошли не чинясь, моих сопровождающих тут прекрасно знали, только в мою сторону раскосые охранники бдительно покосились. Внутри дома было помпезно да благостно: мягкая мебель, позолота, хрусталь и зеркала. И в дополнение ко всему – живая волчица на софе, в зале.

Анненков спустился к нам со второго этажа в расшитой серебром гимнастёрке, мало чем отличавшийся от своих конвойных, разве что большущим литером «А» на полковничьих погонах. Чуб на сторону, шалые рысьи глаза, змеящаяся улыбка из под усиков, и лёгкая походка тридцатилетнего волчары. Не даром у него волчица в любимицах…

– Здорово дневали, браты! – бодро крикнул баритоном, разглядывая меня.

– Слава Богу, атаман.

– Ну, чем порадуешь, Сергеев?

Полковник шагнул вперёд и кратко доложил о результатах расследования и принятых мерах, упомянув моё деятельное участие и уточнив про желание присутствовать в финальной части задуманной акции. Всё это время атаман смотрел мне в глаза, словно пытался понять, с кем имеет дело. Я взгляд не опускал, стараясь чтобы это не выглядело вызовом, и аккуратно вытаскивал у него из под фуражки мыслишки: «*Олухи… ищи теперь дуван… а этот чёрт опасен… не нравится он мне, наглый…какой такой Туманов*?..».

Сергеев закончил доклад, и наступила пауза, которую атаман держал виртуозно, насыщая обстановку энергетикой и взвинчивая эмоции. Наконец переключил своё внимание с меня на окружающих и подозвал к себе волчицу, хлопнув ладонью по бедру. Когда зверь грациозно соскочил со своего лежбища и ткнулся носом ему в ладонь, сказал:

– Что думаешь, Динка? Словим мы этого Туманова, или как обычно, накажем кого ни попадя?

Волчица потянулась, вздыбив шерсть на холке, и глухо заворчала, остановив взгляд жёлтых глаз на мне. Затем фыркнула и, словно сконфузившись, ушла к себе на софу, виновато оглядываясь на атамана. Анненков, повернув голову, с любопытством посмотрел ей вслед. «*Странно… боится она его что-ли*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.